

ОТГОЛОСКИ

ОТГОЛОСКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1888

OTTO JOHANN

OTTO JOHANN

ОТГОЛОСКИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГЕРБЕЛЯ

II

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1858

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
31 октября 1857 г.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ИГОРЬ КНЯЗЬ СѢВЕРСКІЙ

(издание третье)

ИСТОРИЯ СЛАВЯНОФИЛСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Славянофильство — это не только движение, но и идеология, которая возникла в России в XIX веке. Оно было направлено на восстановление самобытности русской культуры и государства. Славянофилы считали, что Россия имеет право на особый путь развития, отличный от западного. Они подчеркивали значение православия и традиционных ценностей. Движение славянофилов оказало большое влияние на русскую литературу, философию и общественную мысль. Оно подготовило почву для возникновения русского символизма и других течений в искусстве. Славянофильство стало одним из главных направлений русской культуры XIX века.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Можно сказать утвердительно, что ни одно произведение древней русской поэзіи, сбереженное временемъ, не возбуждало такого постояннаго вниманія нашихъ ученыхъ, и не подало повода къ такому множеству противорѣчащихъ другъ другу сужденій, какъ «Слово о полку Игоря». И не мудрено! Этотъ самобытный и единственный, дошедшій до насъ, письменный памятникъ, свидѣтельствующій о существованіи и развитіи древнерусской эпической поэзіи, отличается тою смѣлостью очерковъ и яркостью красокъ, которые, съ перваго взгляда, обличаютъ въ сочинителѣ необыкновеннаго художника.

Будучи открыто въ 1795 году графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ «Сборникѣ» (причемъ

первое извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено свѣту въ «Spectateur du Nord», за 1797 годъ), и издано имъ въ 1800 году въ Москвѣ, «Слово о полку Игоря» не переставало, съ того времени, занимать умы нашихъ филологовъ и критиковъ. Плодами ихъ изысканій были, съ одной стороны, значительное число изданій, переводовъ и стихотворныхъ переложеній «Слова», съ другой — множество статей критическаго и полемическаго содержанія. Что касается переводовъ «Слова о полку Игоря», то, со включеніемъ перваго, которымъ мы обязаны графу Мусину-Пушкину, у насъ, въ продолженіе полувѣка, вышло въ свѣтъ восемнадцать отдѣльных изданій (изъ нихъ восемь прозаическихъ, а десять стихотворныхъ), надъ которыми трудилось восемнадцать ученыхъ и литераторовъ.

Вотъ любопытный списокъ этихъ восемнадцати переводовъ, изъ которыхъ многіе, въ настоящее время, весьма рѣдки:

ПРОЗАИЧЕСКІЕ.

1) Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. 1800. (Изданіе графа Мусина-Пушкина, въ которомъ принимали участіе А. О. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій.)

2) Слово о походѣ Игоря, сына Святославова, внука Ольгова. Переводъ А. Шишкова. Спб. 1805. («Со-

чиненія и Переводы, издаваемые Россійскою Академіею», ч. I.)

3) Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній. Спб. 1819.

4) Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою, съ присовокупленіемъ буквальнаго переложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. Переводъ Николая Грамматина. Москва. 1823.

5) Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведена съ древняго русскаго языка Александромъ Вельтманомъ. Москва. 1833.

6) Пѣснь о полку Игоревѣ, сложенная въ концѣ XII вѣка на древнемъ русскомъ языкѣ. Издана съ переводомъ на нынѣшній русскій языкъ профессоромъ русской словесности Михаиломъ Максимовичемъ, для своихъ слушателей. Кіевъ. 1837.

7) Слово о полку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ магистромъ Дмитріемъ Дубенскимъ. Москва. 1844. («Русскія Достопамятности», ч. III.)

8) Слово о полку Игоревомъ, Игоря Святославича, внука Ольгова, съ переводомъ въ прозѣ и примѣчаніями. С. П. Кораблева. Москва. 1856.

СТИХОТВОРНЫЕ.

9) Походъ Игоря противу Половцевъ. Спб. 1803.
(Переводъ Сѣрякова.)

10) Игорь, героическая пѣснь. Съ древней славенской
пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ, преложилъ стихами
Александръ Палицынъ. Харьковъ. 1807.

11) Игорь Святославичъ, ироическая пѣснь. Сокра-
щена ⁽¹⁾ для «Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго
Слова» Н. Язвицкимъ. Спб. 1812. («Чтеніе въ Бе-
сѣдѣ Любителей Русскаго Слова», ч. VI.)

12) Ироическая пѣснь о походѣ Игоря на Полов-
цевъ, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи,
нынѣ переложенная въ стихи старинной русской мѣры
Иваномъ Левитскимъ. Спб. 1813.

13) Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ
русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, и съ онаго
переведенная на употребляемое нынѣ велико-россійское
нарѣчіе стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ
краткими историческими и критическими замѣчаніями.
Спб. 1821. (Переводъ Николая Грамматина.)

14) Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святосла-
вова, внука Олегова. Переложеніе Михаила Де ла
Рю. Одесса. 1839.

15) Слово о полку Игоря. Перевелъ Д. Минаевъ.
Спб. 1846.

(1) «Пѣснь сія переложена уже вся... Здѣсь же, какъ изъ заглавія видно,
напечатано одно только сокращеніе сей пѣсни, читанное въ «Бесѣдѣ»;
вся же пѣснь съ замѣчаніями напечатана будетъ послѣ, есть ли сіе со-
кращеніе благосклонно будетъ принято.» Примѣчаніе переводчика.

16) Слово о полку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова. Переводъ Л. Мея. Москва. 1850. («Москвитянинъ», 1850 г. № 22.)

Тоже. *Отдѣльное изданіе*. Спб. 1856.

17) Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. Спб. 1854.

Тоже. *Изданіе второе*. Спб. 1855.

18) Пѣснь о полку Игоревѣ, переведенная на украинское нарѣчіе Михаиломъ Максимовичемъ. Кіевъ. 1857.

А вотъ и образчики каждаго изъ поименованныхъ мною переводовъ. Эти отрывки могутъ дать нѣкоторое понятіе о манерѣ и складѣ рѣчи, которыхъ придерживались гг. переводчики въ своихъ прозаическихъ и стихотворныхъ переложеніяхъ «Слова».

Переводъ Мусина-Пушкина:

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! Начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ прославить кого, то носился мыслию по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Шишкова:

Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудные повѣствовались подвиги. Начнемъ пѣснь сію по бытіямъ того времени, а не по замысламъ бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчивый кого воспѣть хотѣлъ, растекался мыслию по древамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаки.

Переводъ Пожарскаго:

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича? Начать же оную по бытіямъ сего времени, а не по замыслу боянову. Ибо вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носился мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Грамматина:

Не пристойно ли бы намъ было, братья, воспѣть древнимъ языкомъ трудную повѣсть о войскѣ игоровомъ, Игоря Святославича? Воспѣтой же быть той пѣснѣ по быліямъ сего времени, а не по вымыслу боянову. Боянъ мудрой когда кому хотѣлъ пѣсню творить, то носился мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Вельтмана:

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря — Игорь-Святъславича?

Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по древу;

Какъ сѣрые волки неслись по пространству, и сизымъ орломъ въ поднебесьи парили.

Переводъ Максимовича:

Не славно ли было-бъ намъ, братья, начать старыми словами скорбныхъ повѣстей пѣснь ополченію Игоря, Игоря Святославича?

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по боянову замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

Переводъ Дубенскаго:

Не лучше ль намъ было, братцы, начать прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей пѣснь о походѣ игоровомъ, Игоря Святославича? и начаться этой пѣсни по событіямъ нашего времени, а не въ духѣ

бояновомъ? Ибо вѣщій Боянъ, когда кого хотѣлъ воспѣть, то носился мыслию по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ по полю, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Кораблева:

Не лучше ли будетъ намъ, братія, начать *старинною* унылую повѣсть о походѣ Игоревомъ — Игоря Святославича?

Начать же эту пѣснь по былинамъ сего времени, а не по замыслу Янову. Янъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь воспѣть, то разцвѣталъ мысленно кудрявымъ деревомъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землѣ, сизымъ орломъ леталъ подъ облаками...

Переводъ Сѣрякова:

Коль пріятно слогомъ древности
Повѣсть намъ начать прискорбную
О походѣ князя Игоря!
Пѣснь начать же гласомъ истины
По былинамъ того времени,
А не вымысломъ бояновымъ;
Онъ кого хотѣлъ прославить,
По древамъ носился мыслию,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
Въ облакахъ сизымъ орломъ летѣлъ.

Переводъ Палицына:

Любовь къ отечеству зоветъ, о Россы, насъ
Воспѣть брань Игоря на древній предковъ гласъ,
Какимъ ихъ подвиги вѣщались знамениты:
Да будутъ бытія и нашихъ лѣтъ открыты.
Но не дерзнемъ витійствъ бояновыхъ искать
Когда Боянъ кого стремился воспѣвать,
Онъ мыслью по древамъ въ восторгѣ растекался,
То сизымъ онъ орломъ подъ облаки взвивался,
То сѣрымъ волкомъ онъ носился по полямъ..

Переводъ Язвицкаго:

Что пристойнѣй слогомъ древности
Повѣсть рассказать печальную

О полку — походъ Игоря?
Кой (?), воспѣть князей когда хотѣлъ,
По древамъ носился мыслями,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
По поднебесью орломъ парилъ.

Переводъ Левитскаго:

Намъ пріятно, братцы, пѣснь воспѣть
Древнимъ слогомъ — слогомъ жалобнымъ
О походъ славна Игоря,
Не веселую — печальную!
Мы начнемъ ее, какъ слышали,
По былинамъ того времени,
Не по замысламъ бояновымъ.
Намъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ,
Прославлять когда хотѣлъ кого,
То носился всюду мыслию,
По деревьямъ легкой птицею,
Черезъ холмы будто сѣрый волкъ,
Какъ орелъ сизый подъ облаки.

Переводъ Грамматина:

Не воспѣть ли, милы братіе, любезные,
Мѣрой древней, заунывной, не воспѣть ли намъ
О походъ на Половцевъ князя Игоря,
О походъ неудачномъ Святославича?
Повѣсть жалости достойная и вѣчныхъ слезъ!
А начнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу начнемъ ее боянову.
Вѣщій бардъ, онъ пѣть когда хотѣлъ чьи подвиги,
Онъ по древу растекался смѣлой мыслию,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по земли,
Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки.

Переводъ Де ла Рю:

Или начать намъ, друзья, старымъ складомъ сказаній воинскихъ
Пѣснь о походъ олегова впука, Игоря князя?
Пѣснь же ту намъ начать по событіямъ дней настоящихъ,
Но не по замысламъ вѣщимъ Бояна. Боянъ, замышляя

Витязя славу воспѣть, соловьемъ растекался по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ поляхъ, сизокрылымъ орломъ въ поднебесья.

Переводъ Минаева:

Начнемъ, други, складомъ старинныхъ людей,
Разсказъ про святыя былины:
Какъ Игорь костью положилъ средь степей
Свои удалыя дружины.
У правды народной одна сторона,
У вымысла гранямъ нѣтъ счета:
Такъ рѣчь у Бояна восторговъ полна,
Ярка у нея позолота!
Онъ звучную-ль пѣсню кому запоетъ —
Раскинется въ вѣтви мыслями,
Онъ волкомъ по черной землѣ протечетъ,
Орломъ пролетитъ подъ звѣздами.

Переводъ Мел:

Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ
Пѣсню слѣзную о полку князя Игоря,
Князя Игоря Святславича?
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавнюю былинушку,
Не по замыслу боянову.
Коли вѣщему Бояву прилучалось
Про кого нибудь пѣсню складывать,
Растекался мыслию онъ по лѣсу,
Мчался сѣрымъ волкомъ по полю
И сизымъ орломъ подъ облакомъ.

Переводъ Максимовича:

Чи не добре бѣ було, братья,
Намъ, про Игоря войну,
Заспівать жалібну пісню,
Якъ співали встарину!
А начаться нашій пісні
По сѣголітнімъ дѣламъ;
Не по умисламъ високимъ,
Якъ Боянъ той починавъ.

Боянъ віщий, коли схоче
 Про кого було співать,
Заразъ думкою по древу
 Починає вінъ літати;
Сіримъ вовкомъ побіжить вінъ
 По горахъ и по доламъ;
Орломъ сизимъ понесетися
 Къ піднебеснымъ облакамъ.

Кстати помѣщаю здѣсь переводъ того же отрывка въ «Опытѣ преложенія пѣсни о походѣ Игоря» (пѣснь первая и начало второй, до словъ: *о Бояне, соловію стараго времени*), помѣщеннаго въ IV части «Галатеи» на 1829 годъ (стр. 131), безъ означенія имени переводчика. Вотъ онъ:

Пріятно, о други, вамъ будетъ услышать
Прискорбную повѣсть о Игорѣ князѣ.
Начнемъ не по вымысламъ хитрымъ Бояна,
Начнемъ по преданіямъ дней пролетѣвшихъ.
Когда величавый Боянъ полководцевъ
И витязей славилъ гремящею пѣснью,
Онъ мыслію леталъ по деревьямъ высокимъ,
И сѣрымъ онъ волкомъ носился по доламъ,
И сизымъ орломъ разетилался по небу.

Кромѣ того, мы имѣемъ еще шесть стихотворныхъ переводовъ десятой пѣсни «Слова» (Плачъ Ярославны), сдѣланные Козловымъ⁽²⁾, Белястинымъ⁽³⁾, Загорскимъ⁽⁴⁾, Шкляревскимъ⁽⁵⁾, Миллеромъ⁽⁶⁾ и Бергомъ⁽⁷⁾.

(2) «Собраніе Стихотвореній Ивана Козлова», изд. III, ч. II, стр. 31.

(3) «Благонамѣренный», 1819 г. ч. VI, стр. 141.

(4) «Новости Литературы», 1825 г. ч. XIV, стр. 69.

(5) «Стихотворенія П. Шкляревскаго», стр. 11

(6) «Стихотворенія О. Миллера», стр. 245.

(7) «Москвитянинъ», 1847 г. ч. I, кн. II, стр. 32.

При всемъ уваженіи къ именамъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, трудившихся надъ переложеніемъ «Слова», должно сказать, что большая часть прозаическихъ его переводовъ замѣчательна преимущественно въ ученomъ, нежели въ литературномъ, отношеніи, потому что въ нихъ, какъ кажется, болѣе дорожили примѣчаніями и критическими изслѣдованіями, чѣмъ самими переводами. Счастливымъ исключеніемъ изъ нихъ можно назвать переводъ г. Вельтмана, сдѣланный мѣрною, гармоническою прозою, далеко оставляющею за собою не только прозаическія, но и многія стихотворныя переложенія «Слова», изъ которыхъ лучшія принадлежатъ гг. Де ла Рю, переложившему поэму въ довольно-звучные гекзаметры, Мею, избравшему для своего перевода размѣръ народныхъ русскихъ пѣсенъ и, въ особенности, Максимовичу, чей малороссійскій переводъ «Слова» поражаетъ читателя, какъ замѣчательной близостью къ подлиннику, такъ и поэтической простотою языка и звучностью стиха. Что же касается переводовъ гг. Палицына, Левитскаго и Минаева, изъ которыхъ послѣдній отличается необыкновенно-звучнымъ стихомъ, то ихъ, собственно, нельзя причислить къ переводамъ, потому что гг. перелагатели нисколько не заботились о томъ, чтобы остаться вѣрными подлиннику, и гораздо болѣе передѣлывали, нежели переводили, и даже дополняли повѣствованіе сочинителя «Слова» своими собственными вставками, въ чемъ сознается самъ г. Минаевъ, въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ переводу, говоря, что онъ «объяснялъ

темныя мѣста подлинника прямо стихами, развивая сжатые мысли въ картины»⁽⁸⁾.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ оригинальномъ способѣ *развивать сжатые мысли* подлинника *въ картины* собственного изобрѣтенія, приведу здѣсь, для сличенія, нѣсколько небольшихъ отрывковъ лучшаго подстрочнаго перевода «Слова», сдѣланнаго г. Дубенскимъ, и соотвѣтствующія имъ стихотворныя фантазіи гг. перелагателей:

Переводъ Дубенскаго:

Рано въ пятницу они смяли поганые полки половецкіе; и, разсыпавшись стрѣлами по побойщу, помчали пригожихъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними золото, парчи и дорогіе аксаменты. Юртами, епанчами и кожухами и всякими нарядами половецкими стали гатить болота и топи. Красное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебрянное древко — храброму (Игорю) Святославичу.

Переводъ Малицына:

Въ единъ день съ утреннимъ блистаніемъ сквозь мглу
Срѣтаются они съ Половцами въ долу:
Едва узрѣлися, сердца ихъ закипѣли,
Мечи и копья ихъ другъ въ друга зазвенѣли;
И многихъ ратниковъ, до солнечныхъ лучей,
Застигла вѣчна ночь, померкъ ихъ свѣтъ очей.
Уже противные полки преодолены,
Разбиты, свергнуты и въ бѣгство обращены.
А Россы храбрые, разсѣясь по полямъ,
Летая съ быстротой, подобной ихъ стрѣламъ,
Мчатъ красныхъ дѣвъ оттолъ половецкихъ плѣненныхъ,
Тьму злата, утварей и тканей драгоцѣнныхъ.
Но всѣхъ корыстей ихъ, утѣхъ, сокровищъ сихъ
Побѣда съ славою любезнѣе для нихъ:

(8) «Слово о полку Игоря, пер. Минаева», стр. 67.

Гдѣ блато имѣ иль топъ препоны полагаютъ,
Тамъ грудями они добычу повергаютъ,
Изъ тканей, бархатовъ, одеждъ мосты твоя.
Такъ бранный духъ въ груди и славу водворя,
Женамъ приличныя отместитъ украшенья.
Не злато нужно имъ: желѣзо на сраженъе!
Поправъ враговъ, дѣлятъ добычу, возвратясь.
Пріемлетъ въ оной часть и ихъ отважный князь:
Червленна чолка, стягъ багрянъ съ хоругвью бѣлой,
И древко серебряно, какъ даръ отъ рати цѣлой,
Врученъ Игорю за подвиги его.
То князю нашему пріятнѣе всего,
То злато для него и паволокъ дороже,
Дружина такъ речетъ, и войны всѣ тоже.

Такимъ образомъ переведено г. Палицынымъ все «Слово о полку Игоря», за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, или вовсе выпущенныхъ переводчикомъ, или замѣненныхъ стихами собственной работы. Такъ, напри- мѣръ, все начало четвертой пѣсни, до словъ:

Такъ при Олегѣ молодомъ ...

у него выпущено и замѣнено слѣдующимъ четырех- стишіемъ:

Войны во времена и прежнія бывали,
Напасти и бѣды Россію угнетали,
Не столь отъ чуждыхъ силъ, нашествій и сѣтей,
Колико отъ своихъ раздоровъ межъ князей.

Кромѣ того, переводъ г. Палицына изобилуетъ мно- жествомъ самыхъ анти-поэтическихъ вставокъ, часто искажающихъ самый смыслъ подлинника.

Переводъ г. Левитскаго нѣсколько ближе къ подлин- нику, за то далеко превосходитъ переводъ г. Палицына

числомъ и чудовищнымъ размѣромъ своихъ вставокъ, отличающихся необыкновенною яркостью красокъ и смѣлостью уподобленій.

Напримѣръ:

Переводъ Дубенскаго:

«Ужь намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслию примыслить, ни ду-
мою придумать, ни глазами увидать! а златомъ и серебромъ не бря-
чать ни сколько!»

Переводъ Левитскаго:

«Невидать намъ сердцу милыхъ ужь,
Не слыхать ихъ сладка голоса,
Не прижать къ груди пылающей,
И въ объятіяхъ супружескихъ
Не лелѣять и не нѣжить ихъ!
Не пролить слезъ умиленія,
Кромѣ слезъ единой горести!
Не видать намъ злата, сѣребра,
На всегда уже отнятаго!
На что злато, на что сѣребро,
Коли грудь тѣснится вздохами?
Что безъ милыхъ въ этой пышности?
Ожерелья, ткани, бархаты
Тогда служатъ украшеніемъ,
Когда сердце цвѣтетъ въ радости,
Когда все предметъ веселія;
Но безъ милыхъ и безъ радости
Пышность всякая не радуетъ!
Увы! всѣмъ мы — всѣмъ ограблены;
Гдѣ супруги и гдѣ дѣтища?
Гдѣ и братья, гдѣ всѣ сродники?
Гдѣ? — средь поля половецкаго!...
О! прійми насъ мать сыра земля
Лучше ты въ свои объятія,
Чѣмъ терпѣть презрѣнье Половцевъ;
Лучше скрыться въ гробовыхъ доскахъ,
Чѣмъ подъ властію быть Половцевъ.
Такъ — умремъ или спасемъ мужей!»

Переводъ Дубенскаго:

Одинъ же Изяславъ Васильковичъ позвонилъ своими острыми мечами во шлемы литовскіе, затымилъ славою дѣда своего Всеслава, а самъ подъ багряными щитами, на травѣ кровавой, изрубленъ мечами литовскими.

Переводъ Левитскаго:

Изяславъ только Васильковъ внукъ
Позвенѣлъ одинъ мечемъ своимъ
По шлемамъ Литовцевъ буйственныхъ.
Только онъ одинъ осмѣлился
Усмирить гордыню адскую.
Но что дерзкихъ усмирить можетъ,
Людской кровію воспитанныхъ?
Что казаться можетъ страшнымъ имъ?
Что? — когда и саму смерть
Чтутъ единою бездѣлкою?
Сердце ихъ — есть сердце львиное,
Грудь ихъ — грудь есть леопардова,
Кровь людей — имъ некторъ сладостный,
Трупы — снѣдь для нихъ пріятная.
Изяславъ сталъ ихъ добычею;
Подъ щитами палъ багряными:
На травѣ, смоченной кровію,
Отъ литовскихъ онъ погибъ мечей.

Эти два отрывка изъ шестой и девятой пѣсенъ (плачь русскихъ женъ о погибшихъ и описаніе смерти Изяслава), взятые мною на выдержку, могутъ дать совершенно вѣрное понятіе о достоинствѣ стихотворной фантазіи г. Левитскаго, названной имъ — переводомъ «Слова о полку Игоря», хотя въ этихъ двухъ произведеніяхъ, за исключеніемъ основной идеи, весьма мало общаго.

Перехожу къ переводу г. Минаева:

Переводъ Дубенскаго:

Солнце ему тьмою путь застилало: теперь ночь, воемъ грозя ему,
будила птицъ, ревъ звѣриный по степямъ; дивъ кричитъ на деревѣ,
даетъ вѣсть странѣ еще неизвѣданной — Волгѣ и Поморію и По-
сулію и Сурожу и Корсуню и тебѣ тмутакаанскій болванъ!

Переводъ Минаева:

И вотъ передъ Игоремъ,
Въ самый полудневный жаръ,
На сводѣ безоблачномъ
Стало гаснуть солнышко;
На щитъ его огненный
Всходитъ вороненый щитъ,
На Руси невиданный,
Преданьемъ незнаемый;
Высокій шатеръ небесъ
Темнѣлъ мракомъ вечера;
Лишь чуть золотымъ серпомъ
Отъ скрытаго солнышка
Видѣлась окраина.

Летятъ тѣни на землю,
Пали смурымъ пологомъ
Кругомъ на окрестности.
На вѣтвяхъ густыхъ деревъ
Свои кудри черныя
Сѣтями развѣсили.
Стала ночь тюрьмы чернѣй;
Могильными сводами
Спустилась надъ Игоремъ,
Зарычала вокругъ него
Стаями звѣриными,
Надъ слухомъ загукала
Птицами зловѣщими.

Заржалъ лѣшій по лѣсу,
Крикнулъ отъ вершинъ дубовъ:
« Не хвались на-утрѣ князь,
« Хвались по-полуночи!

« Поди попытай теперь
« Край земли незнаемой;
« Сходи, князь, въ Поволожье,
« Взгляни на Поморіе,
« Поучись по Сулію,
« Поборись по Сурожью,
« На стѣны херсонскія
« Насмотришь хоть издали!»

— Прочь, косматый чучело!
Отвѣчаетъ Игорь князь:
Тебѣ-ли пугать меня?
Ты — Тмутараканскаго
Царства басурманскаго
Болванъ необтесанный! —

Это описаніе солнечнаго затмѣнія и дурныхъ предзнаменованій похода Игоря (изъ второй пѣсни), если хотите, весьма граціозно; жаль только, что ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ. Слѣдующій отрывокъ (изъ одиннадцатой пѣсни) можно назвать даже блистательнымъ и по языку и по звучности стиха. Что же касается вѣрности перевода — предоставляю судить читателямъ.

Переводъ Дубенскаго:

Соловьи веселымъ пѣніемъ разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Переводъ Минаева:

Вотъ межъ чащею, подъ раkitникомъ,
Луговой пѣвецъ просыпается:
Щелкнулъ, свистнулъ, рассыпался,
Разошелся по воздуху
Серебристыми звѣньями,
Загремѣлъ перекликами,

Застоналъ перекатами,
Разлился звонкимъ голосомъ
По всему по поднебесью.
Его слушала, зарумянившись
Подъ фатой своей, браной золотомъ,
Съ неба синяго заря майская.

Не смотря на различное достоинство этихъ трехъ переложений, какъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ послѣднее представляетъ нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ, правда, большею частію принадлежащихъ перу самого переводчика, но тѣмъ не менѣе весьма поэтическихъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ выполнить своего назначенія — познакомить читателя съ подлинникомъ, одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ котораго именно заключается въ этой сжатости рѣчи, характеризующей «Слово».

Исчисливъ всѣ существующіе переводы «Слова о полку Игоря» на русскій языкъ, я считаю нелишнимъ прибавить, что въ настоящее время готовится къ печатанію въ «Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ»⁽⁹⁾ малороссійскій прозаическій переводъ этаго памятника, сдѣланный А. С. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ, съ цѣлію доказать наглядно разницу языка «Слова» и нынѣшняго нарѣчія юго-западной Руси.

Помѣщаю здѣсь, для сличенія, начало этого перевода :

«Чи не лучше намъ буде, братця, почать давніми словами про тяжкий походъ игорівъ, Игоря Святославовича? и починать сю пісню

(9) См. ч. III, №№ 12, 13, 14, стр. 198.

якъ було тоді, а не по вигадкахъ Бояна? Боянъ бо віщий, коли про кого хотівъ пісню співати, то разбігався думкою по древу, сіримъ вовкомъ по полю, сизимъ орломъ підъ хмарами.»

Иностранцы также имѣютъ нѣсколько переводовъ «Слова о полку Игоря». Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: нѣмецкіе — Юнгмана, изданный въ 1810 году, Миллера ⁽¹⁰⁾, Ганки ⁽¹¹⁾, пастора Зедергольма ⁽¹²⁾ и Болътца ⁽¹³⁾; французскіе — барона Экштейна, помѣщенный въ журналѣ «Le Catholique», и Бланшарда ⁽¹⁴⁾, напечатанный вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ; польскіе — Купріана Годабскаго, Августина Бѣлевскаго ⁽¹⁵⁾ и Адама Красинскаго ⁽¹⁶⁾; чешскіе — Вячеслава Ганки ⁽¹⁷⁾, Юнгмана и Разная (последній сдѣланъ стихами); и сербскій — Хаджича, помѣщенный имъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ бѣлградскомъ альманахѣ «Голубица».

(10) Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer des Fürsten vom Sewerischen Nowgorod Igor Swätslawlitsch, geschrieben in altrussischer Sprache gegen das Ende des zwölften Jahrhunderts. In die deutsche Sprache treu übertragen vom Joseph Müller. Prag. 1811.

(11) Spruch vom Heerzuge Igors, Igors Sohn des Swätslaw, Enkel des Olegs. (Переводъ Ганки). Prag. 1821. (Изданъ вмѣстѣ съ чешскимъ переводомъ).

(12) Das Lied vom Heereszuge Igors, Sohnes Swätoslaws, Enkels Olegs. Aus dem Slawonischen metrisch übersetzt. Vom Pastor Sederholm. Moskau. 1825.

(13) Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Aeltestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert. Herausgegeben vom Doktor August Boltz. Berlin. 1854.

(14) Igor, poème héroïque, traduit du russe par N. Blanchard. Moscou. 1823.

(15) Wyprawa Igora na Połowców. Poemat sławiański, wydany przez Augustyna Bielowskiego. Lwów. 1833.

(16) Pieśń o półku Igora. Starosławiański poemat z XII wieku. Przekład Ks. Adama Stanisława Krasińskiego, kanonika katedry wileńskiej. Petersburg. 1856.

(17) Igor Swatosławić. Hrdinsky zpiew o taženj proti Polowcum. Od. Wacława Hanky. W Praze. 1821.

Какъ переводили иностранцы «Слово о полку Игоря», — привожу, для сличенія, ихъ стихотворные переводы на французскій, нѣмецкій и польскій языки:

Переводъ Бланшарда:

Il est doux de chanter un héros malheureux:
Chantons du brave Igor l'effort infructueux;
Mais que dans nos récits, simples et véridiques,
N'entrent point de Boyan les fictions antiques:
Quand ce barde voulait célébrer les héros,
Son esprit inspiré l'élevait sur les flots,
Le portait comme un aigle audessus des nuages,
Ou comme un faible oiseau parmi de verts bocages.

Переводъ Зедергольма:

Bedünket es nicht euch, ihr Brüder, löblich,
Wenn wir in alter Zeiten Wort begönnen
Die Trauermähr von Igors Heereszuge,
Des Sohnes Swätoslaws? — Wohlan denn, Lied,
Beginne, treu den Thaten dieser Zeiten,
Nicht nach Bojans Gedankenflug, des Sehers;
Denn wenn ein Heldenlied er singen wollte,
So schweifte durch die Wälder sein Gedanke,
Wie auf der Erde schweift der graue Wolf,
Den Wolken nah der bläulich-graue Aar.

Переводъ Больтца:

Brüder, sagt, wär's nicht gerathen,
Nach dem alten Brauch der Väter,
Was die Sagen von dem Zuge
Igor's, Swätoslawitsch's Sohne,
Melden, uns zu wiederholen.
Doch beginnen mag dies Lied nur
Nach den Sagen uns'rer Zeit, nicht
Nach Bojan's erhab'ner Weise.
Denn Bojan, der hehre Dichter,

Wenn der über'm Liede dachte,
Schlich sich aus dem lauten Kreise,
In die Einsamkeit des Waldes,
Und durchstrich die schatt'gen Haine,
Wie der graue Wolf die Heide,
Wie der dunkelblaue Adler
Durch die Wolken streift im Fluge.

Переводъ Бѣлевскаго:

Bracia! nie pięknież piał starymi słowy
Trudne o polku Igora powieści?
A więc pocznijmy pieśń, wedle osnowy
Zdarzeń, nie zmyślen bojańskimi tory;
Bo wiesz czy Bojan jeśli k'czyjej cześci
Pieśń tworzył, myślą uganiał przez bory,
Wilk ziemią, w wiatrach orzeł chyżopióry.

Переводъ Красинскаго:

Miło to, Bracia, gdy w naddziadów mowie,
Igora czyny rycerskie apowie
Pieśń, z tego czasu pamiątek śpiewana,
Nie z woyobraźni, a ni z dum Bojana.
Bo kiedy Bojan pieśń komu zaśpiewa,
Myślą, na kształt wielkiego rozłacza się drzewa,
I szarym wilkiem pędzi w step szeroki,
I siwym orłem szumi pod obłoki.

Наконецъ надъ составленіемъ примѣчаній, филологическихъ объясненій и критическихъ изслѣдованій трудились, въ разное время, кромѣ поименованныхъ мною переводчиковъ «Слова», почти всѣ извѣстные наши ученые, какъ-то: Малиновскій, Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Тимковскій, Ермолаевъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Полевой, Болтинъ, Бутковъ, Востоковъ, Погодинъ, Шевыревъ, Руссовъ, князь Вяземскій, Гла-

голевъ, Снегиревъ, Сахаровъ, Головинъ, Туловъ, знаменитые иноземные славяновѣдцы. Юсифъ Добровскій, Шлецеръ, Шафарикъ, Михаилъ Вишневскій, Гай и многіе другіе.

Уже одни имена этихъ ученыхъ изслѣдователей «Слова о полку Игоря», признавшихъ его высокое значеніе въ исторіи нашей литературы, какъ единственнаго самобытнаго памятника поэзіи древней Руси, могутъ служить достаточнымъ опроверженіемъ нѣкоторымъ скептикамъ, вздумавшимъ заподозрить не только древность этого памятника, но и самую его подлинность, въ которой теперь уже никто не сомнѣвается, благодаря множеству полемическихъ и критическихъ статей, разрѣшившихъ наконецъ этотъ вопросъ въ пользу «Слова»; и рѣшеніе это утверждено на доказательствахъ слишкомъ ясныхъ, чтобы съ ними не согласиться. Впрочемъ, я не нахожу нужнымъ распространяться о нихъ, тѣмъ болѣе, что критическій разборъ подлинника не входитъ въ планъ моего труда—чисто литературнаго.

Такъ какъ цѣль предлагаемаго перевода—обратить еще разъ вниманіе всѣхъ образованныхъ людей на это превосходное произведеніе нашей древности и сдѣлать его содержаніе доступнымъ и для тѣхъ, кто не любитъ сухихъ, археологическихъ разысканій, но тѣмъ не менѣе не чуждъ всего, что касается нашей древней славы, считаю не лишнимъ познакомить читателя съ самымъ происшествіемъ, послужившимъ пѣвцу Игоря предметомъ для его поэмы.

Князья Сѣверскіе Игорь Новгородскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій и племянникъ ихъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій, завидуя славу великаго князя Кіевского Святослава, одержавшаго въ 1184 и 85 годахъ двѣ блистательныя побѣды надъ Половцами, въ которыхъ они не участвовали, рѣшились сами идти въ половецкую землю и добыть себѣ еще большей славы. До настоящаго похода Игорь извѣстенъ былъ, какъ побѣдитель варваровъ близъ урочища Олтавы (нынѣшней Полтавы), гдѣ онъ, двадцатилѣтній юноша, въ 1171 году, разбилъ на голову Половцевъ, предводимыхъ лучшими своими ханами Кобякомъ и Кончакомъ. Что же касается Всеволода, лѣтописцы, какъ и сочинитель «Слова», изображаютъ его героемъ, или, по ихъ словамъ, *удатѣйшимъ* изъ всѣхъ ѡльговичей, величественнымъ наружностью, любезнымъ душою. Князья собрали свои дружины, взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ называемыхъ ковуевъ, которые составили особый полкъ, подъ начальствомъ Ольстина Олексича, и пошли къ Дону. 1-го мая 1185 года, не доходя рѣки Донца, русское войско застигнуто было солнечнымъ затмѣніемъ, принятымъ боярами за дурное предзнаменованіе.

— Друзья и братья! сказалъ Игорь: — тайны божественныя ни кому не свѣдомы; а намъ не миновать своего рока.

Прибывъ къ донецкому перевозу, войско игорево переправилось за рѣку у изюмскаго кургана (нынѣшняго Изюма), и двинулось къ берегамъ Оскола. Здѣсь

князья простояли двое сутокъ, въ ожиданіи прибытія Всеволода, который шелъ изъ Курска инымъ путемъ. Соединившись съ братомъ, Игорь обратился къ югу, къ рѣкамъ Дону и Салу. Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о новой грозѣ, представляя имъ, что русскіе, рѣшившись зайти такъ далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись, и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ князьямъ. Люди благоразумные совѣтовали Игорю возвратиться.

— Князь! говорили они: — непріатели многочисленны; удалимся: теперь не наше время.

— Мы будемъ осмѣяны, отвѣчалъ имъ Игорь: — когда, не обнаживъ меча, возвратимся; а стыдъ ужаснѣе смерти.

Въ пятницу, въ обѣденное время, войско игорево встрѣтилось въ первый разъ съ Половцами на берегахъ рѣки Сюурліи. Завидя приближеніе варваровъ, князья изготовились къ битвѣ: полкъ игоревъ помѣстился въ серединѣ; по правую его сторону сталъ Всеволодъ съ своимъ полкомъ, а по лѣвую Святославъ; впереди ихъ расположились Владиміръ, сынъ Игоря, и черниговскіе ковуи, а шестой полкъ, составленный изъ стрѣлковъ всѣхъ пяти отрядовъ, образовалъ первую линію.

— Братья! сказалъ Игорь: — мы ихъ искали, такъ сразимся же!

Началась битва. На этотъ разъ Русскіе остались побѣдителями; взяли станъ непріателей, ихъ семейства;

три дня ликовали въ завоеванныхъ вежахъ и говорили другъ другу:

— Что скажутъ теперь наши братья и Святославъ Кіевскій? Они сражались съ Половцами, еще глядя на Переяславль, и не смѣли идти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе въ странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бывали отцы наши. Истребимъ варваровъ и пріобрѣтемъ славу вѣчную!

Эта гордость воиновъ мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самая гибельныя послѣдствія. Ободренные первымъ успѣхомъ, князья не усомнились идти къ Дону, перешли его, и двинулись къ берегамъ Азовскаго моря. Разбитые Половцы, соединившись съ новыми толпами, пошли вслѣдъ за ними, и въ субботу утромъ окружили русское войско близъ устья рѣки Каялы (нынѣшняго Кагальника), впадающей въ Азовское море, отрѣзали его отъ воды, и въ ожиданіи еще бѣльшей помощи, не хотѣли сразиться копьями, три дня дѣйствуя однѣми стрѣлами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ Русскіе, томимые жаждой, открыли себѣ путь къ водѣ, и тутъ то, на берегу Каялы, на голой, палимой горячимъ солнцемъ степи, произошла рѣшительная битва, такъ краснорѣчиво описанная пѣвцомъ Игоря. Два дня длилось сраженіе; Русскіе бились храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненый Игорь ѣздилъ на конѣ и ободрялъ ихъ. Видя бѣгство ковуевъ, онъ бросился останавливать ихъ, снялъ съ

себя шлемъ, чтобы они узнали его и воротились; но, увлеченный толпою, былъ окруженъ Половцами и взятъ въ плѣнъ. Всеволодъ оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, сломивъ свой мечъ и копье. Въ сокрушеніи сердца, Игорь каялся въ грѣхахъ своихъ и молилъ Бога лучше послать ему смерть, нежели допустить видѣть паденіе брата. Наконецъ русское войско было побито. Спаслось всего пятнадцать Русскихъ и нѣсколько ковуевъ: остальные или легли на мѣстѣ подъ саблями половецкими, или утонули въ Азовскомъ морѣ, или, наконецъ, отведены были съ князьями въ неволю.

Узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ князей, земля русская *возстонала*: князья, бояре, народъ — всѣ оплакивали несчастныхъ, многіе лишились братьевъ, отцовъ ближнихъ родственниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ. На возвратномъ пути, услышавъ печальную вѣсть, онъ залился слезами и сказалъ:

— Я жаловался прежде на легкомысліе Игоря: теперь еще болѣе жалею на его злополучіе.

Онъ собралъ князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь его ополченія, отступили отъ нашихъ границъ. Не желая идти по слѣдамъ Сѣверскихъ князей, чтобы не испытать той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій, постигшихъ русскую землю. Варвары, ободренные его робостью, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы и осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами роднаго города и бился какъ герой; кровь текла изъ

ранъ его, дружина ослабѣвала. Тогда, видя опасность любимаго князя, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, пораженнаго тремя копьями. Половцы, взявъ Римъ (нынѣшній Роменъ), изрубили его жителей, опустошили множество селъ близъ Путивля и, обремененные плѣнниками, ушли въ свои вежи.

Между тѣмъ Игорь Святославичъ, взятый въ плѣнъ *Тарголовымъ мужемъ Чилбукомъ*, жилъ въ неволѣ, подъ надзоромъ хана Кончака, которому достался по раздѣлу. Уважая храбраго князя, Кончакъ обходился съ нимъ не какъ съ плѣнникомъ, но какъ съ княземъ: позволилъ ему вызвать и имѣть при себѣ священника, слугъ, и даже не препятствовалъ забавляться ястребиною охотою. Наконецъ одинъ половчанинъ, мать котораго была русская, по имени Лаверъ, или Овлуръ, какъ называетъ его сочинитель «Слова», вызвался бѣжать съ нимъ изъ неволи.

— Я могъ уйти во время битвы, отвѣчалъ ему Игорь: — но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.

Однако жъ, убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего конюшаго, Игорь согласился. Лаверъ приготовилъ коней. Игорь притворился спящимъ, и когда Половцы, упоенные крѣпкимъ кумысомъ, заснули, всталъ тихонько, помолился, взялъ крестъ и икону, и ушелъ изъ вежи. Одиннадцать дней скитался онъ по степямъ, вмѣстѣ съ Лаверомъ, скрываясь отъ преслѣдованія Половцевъ, всюду рассыпавшихся по слѣдамъ его, и благополучно прибылъ въ пограничный городъ Донецъ.

Что же касается сына его Владиміра, оставленнаго имъ въ плѣну, то онъ женился тамъ на дочери хана Кончака, славившейся своею красотою, и черезъ два года возвратился къ отцу, вмѣстѣ съ своимъ дядею буй-туръ Всеволодомъ.

«Слово о полку Игоря» есть поэтическое произведение, занимающее въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности—къ роману, и притомъ произведение, писанное стихами, въ чемъ соглашаются нѣкоторые ученые изслѣдователи этого памятника, какъ-то: Востоковъ, Дубенскій, Полевой, Максимовичъ и Туловъ, хотя и разногласятъ въ опредѣленіи его стихотворнаго склада. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Все различіе происходитъ отъ образа воззрѣнія на предметъ. Такъ, напримѣръ, Востоковъ⁽¹⁸⁾, признавая вообще складъ «Слова» прозаическимъ, говоритъ однако же, что оно у него раздѣлилось на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи, подобные библейскимъ.

Дубенскій⁽¹⁹⁾ принимаетъ это въ другомъ смыслѣ, и размѣряетъ «Слово» шестистопнымъ дактило-хореическимъ стихомъ или гекзаметромъ.

Полевой⁽²⁰⁾ также разбиваетъ подлинникъ на стихи, при чемъ говоритъ, что размѣръ въ немъ явентъ, и

(18) См. его «Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи», стр. 159—161.

(19) См. его «Опытъ о Народномъ Русскомъ Стихосложеніи», стр. 101—107.

(20) «Московскій Телеграфъ», 1833 г. N 7, стр. 429.

стоитъ только не считать стопъ, чтобы тотчасъ понять его разнообразную, пѣвучую музыкальность.

Максимовичъ же ⁽²¹⁾ полагаетъ, что вольное движеніе рѣчи «Слова» совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразными волнами или стихами, не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные великороссійскіе, но столько же разнообразные и вольные, какъ стихи украинскіе, особенно въ думахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ подлинникомъ «Слова о полку Игоря».

Наконецъ, по мнѣнію Тулова ⁽²²⁾, «Слово» могло быть или стихотворнымъ произведеніемъ, написаннымъ по образцу древнихъ эпическихъ пѣсень и притомъ такъ, какъ пишутся поэмы въ наше время — только для чтенія; или произведеніемъ прозаическимъ, сохранившимъ, вслѣдствіе вліянія пѣсень, краски поэзіи народной; или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе, — пѣснью, которая дѣйствительно нѣкогда распѣвалась въ честь Игоря, и потомъ положена была на бумагу, въ чемъ удостовѣряетъ насъ самъ сочинитель «Слова», который *воспѣваетъ*, а не *описываетъ* своего героя. А нужно замѣтить, что, въ отдаленный отъ насъ вѣкъ игоревъ, поэзія еще не такъ давно перешла изъ устъ народа въ книги, еще не достигла такой степени искусственности, чтобы выраженіе — *пѣтъ*, встрѣчающееся въ «Словѣ»,

(21) См. его «Пѣснь о Полку Игоря, критическій разборъ», стр. 82—84.

(22) См. его «Руководство къ Познанію Родовъ, Видовъ и Формъ Поэзіи», стр. 205—206.

могло быть употреблено на такомъ же основаніи и въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ оно употреблено, на-
примѣръ, въ стихѣ Хераскова:

« Пою отъ варваровъ Россію свободенну ».

Эти смѣлыя предположенія, основанныя на доказа-
тельствахъ, можетъ быть, не совсѣмъ ясныхъ, но
тѣмъ не менѣе справедливыхъ, навели меня на мысль
перевести знаменитую поэму стихами. Ознакомившись
съ подлинникомъ, въ чемъ не встрѣтилъ большихъ за-
трудненій, благодаря обилію выше-поименованныхъ
мною переводовъ и критическихъ изслѣдованій, я съ
жаромъ принялся за работу и — вскорѣ переводъ мой
былъ оконченъ. Теперь онъ предъ судомъ публики.
Знаю всю недостаточность моего слабаго труда, вну-
шеннаго желаніемъ подѣлиться тѣми пріятными впе-
чатлѣніями, которыя пробудило во мнѣ изученіе этого
стариннаго памятника; знаю, что мнѣ не удалось уло-
вить всѣхъ чудныхъ оттѣнковъ подлинника, ярко бли-
стающаго неподдѣльными красками поэзіи, но утѣшаю
себя мыслию, что старался, по крайней мѣрѣ, незна-
чительность таланта вознаградить добросовѣстнымъ из-
ученіемъ и, если не художественною, то возможно-
вѣрною передачею неподражаемыхъ красотъ, которыми
такъ богато «Слово»; при чемъ старался, по возмож-
ности, сохранить тонъ и складъ рѣчи подлинника, со-
ставляющіе всю особенность этого древнѣйшаго произ-
веденія нашей письменности. Что же касается подлин-

ника «Слова», то, слѣдуя совѣту г. Востокова⁽²³⁾ и принявъ за основаніе мнѣніе г. Максимовича, изложенное мною выше, я разбилъ его на стихи, подобные стариннымъ малороссійскимъ, а для нагляднаго удобства при чтеніи напечаталъ славянскими (кирилловскими) буквами по пушкинскому изданію.

Не смотря на видимую цѣлость и стройность повѣствованія, въ которомъ вездѣ является Игорь, или самъ, какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія, «Слово о полку Игоря», въ тоже время, представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій (какъ, напримѣръ, четвертая и девятая пѣсни, посвященныя воспоминанію о минувшемъ), раздѣляющихъ его на нѣсколько (именно двѣнадцать) частей, которыя я, по примѣру г. Сахарова, назвалъ пѣснями.

Отсюда рождается вопросъ: не вошли ли въ составъ «Слова» еще и другіе пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ сочинитель приписываетъ Бояну⁽²⁴⁾? или даже — не составлено ли оно неизвѣстнымъ пѣвцомъ Игоря, подобно рапсодіямъ Омира, изъ нѣсколькихъ современныхъ пѣсенъ, посвященныхъ злополучному походу Игоря и счастливому его возвращенію на родину?

(23) «Не мѣшало бы, хотя для типографической исправности, чтобъ облегчить читателю отыскиваніе мѣстъ при новомъ изданіи «Слова о полку Игоревѣ», раздѣлить сію древнюю поэму русскую на стихи, подобные библейскимъ.» (Востоковъ).

(24) Мнѣніе Максимовича.

Соображаясь съ духомъ каждой изъ этихъ пѣсней, я старался подобрать соотвѣтствующій ей стихотворный размѣръ, чтобы удобнѣе поддѣлаться подъ тонъ его сладко-звучащей рѣчи. Успѣлъ ли я въ томъ — предоставляю судить читателямъ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о перемѣнахъ и дополненіяхъ, сдѣланныхъ мною въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ предлагаемаго перевода. Приступая ко второму изданію «Игоря», я тщательно пересмотрѣлъ свою книгу и, руководствуясь справедливыми замѣчаніями гг. рецензентовъ, сдѣлалъ необходимыя поправки, при чемъ нѣкоторыя пѣсни перевелъ снова, а въ предисловіи помѣстилъ подробное описаніе самого происшествія, послужившаго пѣвцу Игоря предметомъ для его поэмы. Въ предлагаемомъ нынѣ третьемъ изданіи сдѣланы новыя исправленія, съ цѣлью приблизиться еще болѣе къ подлиннику.

Въ заключеніе приношу мою благодарность гг. рецензентамъ за ихъ лестные отзывы о моемъ трудѣ, что, безъ сомнѣнія, было главною причиною его успѣха. Льщу себя надеждою, что и *третье* изданіе моего перевода встрѣтитъ такой же радушный пріемъ, какъ и два первыя.

Николай Гербель.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ЗАПѢВЪ.

Который дотечаше,
Та прѣди нѣсъ поаше
Старому Ярославъ,
Храброму Мстиславъ...

Не льпо ли ны башеть, братіе,

Иауати старыми словесы

Трѣдныхъ повѣстий

О пѣлкѣ Нгорекѣ,

Нгора Сватъславлюа?

Иауати же са тѣи пѣсни

По былинамъ сего времени,

А не по замышленію Болю?

Болю бо вѣщій,

Аще кому хоташе пѣснь творити,

То растѣкашется мыслію по древѣ

Серымъ вѣлкомъ по земли,

Шизымъ орломъ подъ облакы.

Помнашеть бо речу

Първыхъ временъ всообщу:

Тогда пѣщашеть і соколовъ

На стадо лебедѣи,

Который дотечаше,
Та преди пѣсь поаше
Старомъ Ярославъ,
Храбромъ Мстиславъ,
Нже зарѣза Редедю
Предъ пѣлки Касожьскими,

Красномъ Романови Святъславичю

Болитъ же, братіе,
Не і соколовъ
На стадо лебедѣй пѣшаше,
Нъ своя вѣща прѣсты
На живахъ стрѣны вѣскладаше;
Они же сами княземъ славу рокотахъ,
Поунемъ же, братіе, повѣсть сию
Отъ стараго Владимира
До нынѣшняго Игоря;
Нже нсталихъ змѣ вѣрностию своею,
И поостри сердца своего мужествомъ,
Наплънився ратнаго духа,
Наведе своя храбрая пѣлки
На землю Половѣцькую,
За землю Рѣвскую.

И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава¹,
То про храбраго Мстислава²,
Что Косоговъ побѣдилъ,
И Редедю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа³.

Не на стадо лебедей
Нашъ Боянъ — нашъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ, —
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнамъ,
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ начну же наше «Слово»
Отъ Владиміра Святого,
И про Игоря⁴, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я,
Какъ, наполнясь духомъ ратнымъ,
Онъ свой разумъ изострилъ,
Словно панцыремъ булатнымъ,
Сердце мужествомъ покрылъ,
И за Русь повелъ дружину
Въ половецкую крайну.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ПЕРВОЙ.

1) Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тмутараканскаго и Романа Святославича Краснаго.

2) Мстиславъ Владиміровичъ Тмутараканскій, дѣдъ Олега. Въ 1022 году, онъ въ единоборствѣ умертвилъ великана и богатыря — касожскаго князя Редедю, и увелъ въ плѣнъ его жену и дѣтей.

3) Романъ Святославичъ Красный, родной братъ Олега Тмутараканскаго, дѣда Игоря. Когда князья разбили Олега въ 1078 году, Романъ немедленно началъ войну, но былъ убитъ въ слѣдующемъ году имъ же нанятыми Половцами; а Олегъ былъ сосланъ на островъ Родосъ.

4) Игорь Святославичъ, удѣльный князь Новгорода-Сѣверскаго, сынъ Святослава Ольговича Черниговскаго — герой поэмы. Онъ былъ одаренъ душою мужественною и удалялся козней, свойственныхъ большей части потомковъ Олега.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ВЪЩЕЕ ЗАТМѢНІЕ.

Ахъ ежекъ бы потатъ быти,
Неже полонѣнъ быти!

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце,
И видѣ отъ него тмою
Вся своя воа прикрыты,
И рече Игорь къ дружинѣ своей :

„Братіе и дружино !

„Ахъ же бы потатъ быти,

„Не же полоненъ быти :

„А всадемъ, братіе,

„На свои брѣзвы кони,

„Да позримъ синего Дона.“

Спала Князю змѣ похотѣ,
И жалость ему знаменіе застави
Искъснѣ Дона великаго.

„Хоще бо, рече, копіе приломити

„Конѣцъ поля Половецкаго

„Съ вами, Русичи :

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видя, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
«Чѣмъ даться живому въ полонъ!
«И такъ — на коней и за новою славой —
«Туда, гдѣ синѣется Донъ!»

Въ могучее сердце запало желанье —
Напиться изъ Дона-рѣки:
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнѣтомъ душевной тоски.

«Хочу, онъ промолвилъ, о поле чужое —
«Чужой половецкой земли —
«Сломить, вмѣстѣ съ вами, копье боевое,
«Дружина и братья мои!

„Хоцѣ главѣ свою приложити,
„А любо испити
„Шеломомъ Донѣ!“

О Божне,
Соловию стараго времени!
Абы ты сіа плѣкы зѣрекоталъ,
Скаха славию по мысленѣ дрекѣ,
Летахъ змомѣ подѣ облакы,

Свиваа славы оба помы сего времени,

Рица въ тронѣ Тролню
Уресѣ поля на горы.

Пѣти было пѣсѣ Нгоревн,
Того (Олга) вижкѣ.
Не бѣра соколы
Занесе урезѣ поля широкаа:
Галици стады
Бѣжать къ Донѣ великомѣ;
Улихъ вспѣти было,
Вѣщен Божне,
Велесовѣ вижуе:

Комони ржѣть за Сѣлою;
Звенить слава въ Києвѣ;
Трѣбы трѣбать въ Новѣградѣ;
Стоять стѣзи въ Пѣтивлѣ:

«Хочу положить свои кости за Дономъ —

«На берегъ дальнемъ его,

«Или, зачерпнувъ золочёнымъ шоломомъ,

«Напиться воды изъ него!»

Боянъ вдохновенный! твоими стихами

Приличнѣе пѣть о быломъ,

Носясь умомъ наравнѣ съ облаками,

Порхая лѣснымъ соловьёмъ;

Сличая прошедшую русскую славу

Съ позднѣйшей и мчась по слѣдамъ

Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,

По дебрямъ, полямъ и горамъ:

Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —

Про ольгова внука дѣла!

Не буря изъ родины въ поле чужое

Степныхъ соколѣвъ занесла:

Слетаются галки густыми стадами

На Донъ, изъ невѣдомыхъ странъ...

Или не начать ли такими стихами,

Велесовъ¹ внукъ, вѣщій Боянъ:

Ржутъ борзые кони за тихой Сулѣю;

Въ Новѣ-градѣ² трубы трубятъ;

Прославился Кіевъ счастливой войною;

Въ Путивлѣ знамена шумятъ:

Игорь ждётъ мила брата Всеволода.

И рече ему Бѣй Тѣрь Всеволодъ:

„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ

„Свѣтлый ты Игорю!

„Оба есте Святъславича!

„Сѣдай, брате,

„Свои бѣзын комони,

„А мои ти готови,

„Оседлаи ѿ Кѣрьска на переди.

„А мои ти Кѣрани свѣдоми кѣмети,

„Подъ трѣбами повити,

„Подъ шеломи вѣзделѣаны,

„Конечъ копѣя вѣскрѣмлени;

„Пѣти нмѣ вѣдоми,

„Дрѣгы нмѣ знаєми,

„Дѣци ѿ нихъ напращени,

„Тѣли отворени,

„Сабли нзѣострени;

„Сами скачють, аки сѣрыи вѣлѣци, въ полѣ,

„Ничѣхуи себе ѹти, а Князю слава.“

Князь Игорь лишь брата буй-турь³ Всеволода⁴,

Имъ нѣжно любимаго, ждётъ.

И такъ ему молвить любимецъ народа,

Отважный буй-турь Всеволодъ :

— Единственный братъ мой! единая слава!

Свѣтъ свѣтлый — мой Игорь-боецъ!

Не мы ль сыновья одного Святослава?

Не ты ли мой братъ первенецъ?

— Вели — пусть кольчужники снова сѣдлаютъ

Своихъ быстроногихъ коней:

Мои же у Курска тебя поджидаютъ,

Красуясь бронёю своей.

— Куряне жь мои — удалые куряне —

Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,

Повиты подъ трубными звуками брани

И вскормлены съ копій стальныхъ.

— Дорѣги знакомы, луки съ тетивами,

Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,

Колчаны гремать боевыми стрѣлами,

Булатныя сабли въ рукахъ;

И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,

Какъ волки по дебрямъ бродить,

Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,

Чтобъ князю почету добыть. —

Тогда вѣстѣни Нгорь Кназь къ златѣ стремень,

И поѣха по ѹнстомѣ полю.

Солнце емѣ тѣмою пѣть застѣпаше;

Нощь, стонѣщи емѣ грозою, птицѣ звѣди,

Свиствѣ звѣрнии въ стазби;

Дивѣ клнуетѣ врѣхѣ древа :

Велитѣ послушати

Земли незидемѣ —

Влѣзѣ, и по морю,

И по Сѣлю, и Сѣрожѣ, и Корсѣню,

И тебѣ, Тымѣтораканьскій блѣканѣ.

А Половци неготовами дорогами

Побѣгоша къ Донѣ великомѣ;

Крыуатѣ тѣлѣгы ползнощы,

Рци лебѣди роспѣщени.

Нгорь къ Донѣ вон ведетѣ;

иже бо бѣды его пасетѣ птицѣ;

Подобно влѣци грозѣ вѣсрожатѣ по дрягамѣ;

Орли клектомѣ на кости звѣри зовѣтъ:

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ

И ѣдетъ равниной степной;

Но солнце дорогу ему застилаетъ

Полночною синею тьмой.

Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ,

И ревъ плотоядныхъ звѣрей

Въ окрестныхъ степяхъ, и сова завываетъ

Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.

Чтобъ вѣлнамъ Сурожа⁵ и — вамъ, поморяне, —

Дать вѣсть за далекой землѣй,

Корсуню⁶, и идолю въ Тмутараканѣ⁷,

И Волгѣ съ Сулою-рѣкой.

А Половцы по полю тѣсной толпою

Къ великому Дону спѣшатъ;

Какъ рѣзкій крикъ лебедя поздней порою,

Возы ихъ дорогой скрипятъ.

Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ

Съ дружиною храброй своей;

Но птицы погибель ему предвѣщаютъ;

Орлы плотоядныхъ звѣрей

Пронзительнымъ крикомъ своимъ вызываютъ

На трупы изъ дебрей лѣсныхъ;

И волки невзгоду на нихъ накликаютъ,

Блуждая въ оврагахъ крутыхъ;

Лисичи брешуть на урьлєныя циты.

О Руская земле!

Уже за Шеломанемъ еси!

Длѣго ноуѣ мркнуеть,

Заря свѣтъ запала,

Мѣгла пола покрыла,

Щекоть славиѣ усне,

Говорѣ галнущѣ звѣди

Русичи великая пола

Урьлєнными циты прегородиша,

Ничиуѣ себѣ ути, а Кназю славы.

Проснулись лисицы и лаютъ за станомъ —

На красные лаютъ щиты.

Кормилица Русь! уже ты за курганомъ!

Спускается ночь съ высоты;

Заря, чуть мерцая, вдали догораетъ;

Поля покрываются мглой;

Въ сосѣднемъ лѣсу соловей умолкаетъ;

Крикъ галочій слышенъ порой.

А Русскіе, тѣсно сомкнувшись щитами,

Идутъ по пустыннымъ полямъ —

Добыть себѣ чести стальными мечами,

И славы — отважнымъ князьямъ.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ВТОРОЙ.

¹⁾ Велесъ — богъ скотоводства. Почему же здѣсь Боянъ названъ его внукомъ — неизвѣстно, хотя нѣкоторые толкователи «Слова» и силились объяснить эту загадочную фразу.

²⁾ Новгородъ-Сѣверскій — резиденція Игоря, героя поэмы.

³⁾ *Буй-туръ* или *яръ-туръ*, какъ сказано въ «Словѣ», собственно — дикій быкъ или буйволъ (*urus, bubalus*). Нынѣ эта красивая и весьма рѣдкая порода называется — зубрами, и водится въ одной Бѣловѣжской пущѣ (Гродненской губерніи). Здѣсь пѣвецъ Игоря уподобляетъ храбрѣйшаго изъ князей того времени — красивѣйшему и сильнѣйшему изъ животныхъ, то-есть, иносказательно, называетъ его богатыремъ и героемъ.

⁴⁾ Всеволодъ Святославичъ Курскій и Трубчевскій, меньшей братъ Игоря.

⁵⁾ Азовское море, или Судакъ въ Крыму.

⁶⁾ Древній Херсонесъ Таврическій.

⁷⁾ Тмутараканъ былъ княженіемъ нашихъ обдѣленныхъ владѣтелей, и находился гдѣ-то около Азовскаго моря, потому-что въ «Патерикѣ», въ житіи св. Никона, островъ Таманъ названъ тмутараканскимъ. По кончинѣ Олега, онъ былъ завоеванъ Половцами.

ПѢСНЬ ТРЕТЯ.

ПОВѢДА.

ТѢ СЯ БОПІЕМЪ ПРИХЛАТИ!

ТѢ СЯ САБЛАМЪ ПОТРУУАТИ!

Съ заранѣ въ паткѣ
Потопташа поганыхъ
Плѣкы Половецкыя;
И рассѣхаша стрѣлами по полю,
Помушаа красныхъ
Дѣвки Половецкыя,
А съ ними злато и паволокы
И драгыя оксамиты.

Орьтѣмами и аюуицами и кожухы
Наушаа мосты мостити
По болотомъ и грязнымъ мѣстомъ.
И всякими ѳзороуи Половецкыми.
Урьленъ стагъ, бѣла хорюговъ,
Урьлена уолка, сребрено стрѣжѣе —
Храброуѣ Святъславлюю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово
Хороброе гнѣздо...
Далеуе залетѣло...

Въ пятницу утромъ они потоптали полки нече-
стивыхъ

Половцевъ, и, рассыпаясь стрѣлами по чистому
полю,

Вихремъ помчали пригожихъ дѣвицъ половец-
кихъ, а съ ними

Золото, бархатъ цвѣтной и парчу дорогую.
Плащами,

Юртами и кожухами и всякою вражьей одѣ-
жей

Стали болота и топи гатить. Багряная чолка ¹,

Красное знамя, хоругвь ² и древко чеканной
работы —

Все досталось отважному Игорю.

Дремлетъ
среди поля

Ольгово храброе въ битвахъ гнѣздо; далеко за-
летѣло...

Ис былонъ обидѣ порождено —

Ии соколъ, ни креуетъ,

Ии тебѣ, урѣный воронъ,

Поганыи Половунне.

Гзакъ бѣжитъ стрымъ вѣлкомъ;

Конуакъ емъ слѣдъ правитъ

Къ Донъ великомъ.

Другаго дни велии рано

Кровакыя зори свѣтъ повѣдаютъ;

Урѣныя твѣа съ моря идѣтъ,

Хотатъ прикрыти дѣ солища:

А въ нихъ трепещѣтъ синни млѣни;

Быти громъ великомъ,

Итти дождю стрѣлами

Съ Донъ великаго:

Тѣ са копѣемъ приламати,

Тѣ са сабламъ потрѣвати

О шеломы Половецкыя,

На рѣцѣ на Камлѣ,

У Донъ великаго,

О, Руская землѣ!

Уже не Шеломанемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи вѣтри,

Вѣютъ съ моря стрѣлами

На храбрыя плѣкы Игоревы!

Земля тѣтнеть,

Рѣкы мѣтно текутъ;

Нè на обиду ни соколу-птицѣ, ни кречету
 злому,
Нè на обиду тебѣ породилось оно, Половчанинъ
 поганный,
Воронъ зловѣщій. А Гзакъ ³ ужь бѣжитъ сиром-
 ахою волкомъ;
Хищный Кончакъ ему слѣдъ пролагаетъ къ ве-
 ликому Дону.

Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой за-
 рею;
Черныя тучи отъ моря идутъ: закрываютъ че-
 тыре
Солнца ⁴; въ нихъ синія молніи блещутъ: быть
 сильному грому,
Литься дождю стрѣлами съ Великаго Дона.
 Тамъ-то
Копьямъ стальнымъ поломаться! тамъ-то ме-
 чамъ притупиться
О половецкіе шлемы — на рѣчкѣ Каялѣ, у
 Дона!

Русь, уже ты подъ курганомъ! Чу, вѣтры, стри-
 боговы ⁵ внуки,
Вѣютъ съ моря стрѣлами на храброе русское
 войско.

Стонетъ земля, помутилися рѣки, поля покрыва-
 етъ

Пороси пола прикрываютъ;

Стази глаголютъ :

Половци идуть отъ Дона и отъ моря,

И отъ всехъ странъ.

Рускыя плѣкы отступивша,

Дѣти бѣсови кликомъ пола прегородиша

А храбріи Русичи

Преградиша урѣзанными щиты.

Арѣ тѣрѣ Всеволодѣ!

Стонши на борони,

Прыщени на кон стрѣлами,

Гремлени о шеломахъ

Мечи харалужными.

Камо Тѣрѣ поскулаше,

Своимъ златымъ шеломахъ поскулава,

Тамъ лежатъ поганыя

Головы Половецкыя;

Поскеланы саблами казенными

Шеломахъ Овчарскыя

Отъ тебе Арѣ Тѣрѣ Всеволоде!

Какъ раны дорога, братіе,

Забывъ ути и живота,

И града Урѣнигова,

Отъ злата стола,

И свои милои хоти красныя Глѣбовны

Свыуаа и обыуаа?

Пыль, и лепечуть знамёна: то Половцы идутъ
отъ Дона,

Идутъ отъ моря, отъсюду и наши полки окру-
жаютъ.

Бѣсовы дѣти кликомъ побѣднымъ поля огра-
дили;

Русское жь войско щитами червленными ихъ
заслонило.

Всеволодъ буйный! ты бьешься въ переднемъ от-
рядѣ, стрѣлами

Прыщешь на хищныхъ враговъ и гремишь объ
ихъ шлемы мечами;

Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золочёнымъ
шеломомъ

Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія голо-
вы грудой;

Тамъ, пополамъ разсѣченныя саблею булатной
твоею,

Всеволодъ доблестный! падаютъ въ прахъ ихъ
аварскіе шлемы.

Братцы! какой побоится онъ раны, когда онъ
для славы

Все позабылъ — и почетъ, и веселую жизнь, и
Черниговъ

Городъ, и отчій престолъ золотой, и своей не-
наглядной

Глѣбовны⁶ — милой супруги, привѣтъ и обыч-
ныя ласки?

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ТРЕТЬЕЙ.

¹⁾ Вѣроятно то же, что турецкій бунчукъ, то-есть — знамя съ навязанными на немъ конскими волосами, потому-что у насъ и теперь часть конской гривы называютъ чолкою.

²⁾ «Хорюговъ — знамя Спаса или Святаго, покровителя войска». (Вельтманъ).

³⁾ Гзакъ и Кончакъ — ханы половецкіе.

⁴⁾ «Для пѣвца Игорева вещественный, неодушевленный міръ — образъ міра духовнаго: *черныя тучи* — Половцы, *четыре солнца* — четыре князя дружины игоровой, т. е. самъ онъ, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій и Владиміръ Путивльскій, сынъ Игоря». (Дубенскій).

⁵⁾ Стрибогъ, онъ же Позвиздъ, славянскій Эолъ, богъ бурь и непогодъ.

⁶⁾ Ольга Глѣбовна — супруга Всеволода, дочь князя Глѣба Юрьевича Кіевского и сестра Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОСПОМНЕНІЕ ПѢВЦА ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Погнѣдшеть жизнь Дажь-Божа вѣрка.

Были вѣун Троани,
Минѣла лѣта Арослава;
Были плѣци Олговы,
Ольга Свѣтѣславнѣ.

Тѣмъ бо Олегъ
Мечею крамоу коваше,
И стрѣлы по землѣ сѣаше,
Стѣпаетъ въ златѣ стремя
Въ градѣ Тѣмѣторокѣ.

Тоже звонъ слыша
Давній великій
Арославъ сынъ Всеволожъ;
А Владиміръ по всѣ утра
Уши закладаше въ Черниговѣ.

Бориса же Вѣсѣславнѣ
Слава на сѣдѣ приведе,
И на коннѣхъ зеленѣхъ наполомѣ постла,
За обидѣхъ Олговѣхъ

Прошли трояновы вѣка,
Минуло время Ярослава,
Не стало ѡльгова полка —
Олега¹ сына Святослава:
Мечёмъ крамолы онъ коваль,
Стрѣлами землю засѣваль.

Когда въ родномъ Тмутаракани
Онъ въ стремя бранное вступаль,
Тогда призывнымъ звукамъ брани
Великій Всеволодъ внималь,
Межь тѣмъ, какъ каждою зарёю
Въ своихъ твердыняхъ, за Десною,
Владимір² уши затыкаль.

И привела на судъ свой слава
Бориса³, сына Вячеслава,
И положила на коверъ —
На бархатъ конского покрова —

Храбра и млада Кнѣзѣ.

**Съ тоѣже Камлы
Сватоплѣкъ повелѣѣ отца своего
Междю Угорьскими ипоходьцы
Ко Свѣтѣй Софѣи къ Кіевѣ.**

Тогда при Олзѣ Гориславичи

Стѣшется и растѣшетъ ѡсобнирами;

**Погнѣшетъ жизнь Дѣждь-Божа вѣзка,
Въ Кнѣжихъ крамолахъ
Вѣрѣ ѡсловѣкомъ скратишася.**

**Тогда по Рѣской землѣ
Рѣтко рѣтаеѣ кнѣгахъ:
Нѣ ѹасто врани грахъѣ,
Трѣпѣѣ себѣ дѣлаѣѣ;**

**А галици свою рѣкѣ говорѣхъѣ,
Хотѣѣѣ полетѣѣти на ѡедѣѣ.**

**То было въ ты рѣти, и въ ты плѣкы
А снѣѣ и рѣти не слышѣѣно:**

За оскорбленье, за позоръ
Олега князя молодого.
И Святополкъ ⁴ съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ ⁵ коняхъ
Къ стѣнамъ софіевского храма.

Такъ при Олегѣ молодомъ —
При Гориславичѣ ⁶ — кругомъ
Междоусобья застѣвались,
Всходили — горемъ разростались;
И погибала жизнь людей —
Внучать могучаго Дажь-бога ⁷,
И сокращалася на много
Въ междоусобіяхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вѣроны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

Не разъ гремѣлъ побѣдный гром
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Рѹси не слыхали :

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙ.

¹⁾ Олегъ Святославичъ, дѣдъ Игоря — героя поэмы, бывший, вмѣстѣ съ своимъ крамольнымъ братомъ Романомъ Святославичемъ Краснымъ, главнымъ виновникомъ междоусобныхъ войнъ того времени.

²⁾ Владиміръ Мономахъ.

³⁾ Борисъ Вячеславичъ, сынъ Вячеслава Ярославича Смоленскаго. Былъ убитъ въ 1078 году, въ сраженіи при селѣ Нѣжатиѣ (Нѣжинѣ).

⁴⁾ Святополкъ Изяславичъ, сынъ великаго князя Изяслава, убитаго на Нѣжатиной нивѣ.

⁵⁾ Угорскихъ — венгерскихъ.

⁶⁾ Пѣвецъ Игоря того же Олега Святославича (см. примѣч. 1-е) называетъ отъ себя — *Гориславичемъ*, какъ названа Рогнѣда, супруга Владиміра I, *Гориславою*.

⁷⁾ Этимъ именемъ назывался кумиръ, боготворимый нѣкогда въ Кіевѣ. По мнѣнію графа Мусина-Пушкина, «пользовавшіеся благоденствіемъ, какъ даромъ даждь-божіевымъ, назывались его внуками».

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

ПОРАЖЕНІЕ.

Уто ми шѣмнѣ,
Уто ми звеннѣ
Далеуа рѣно предѣ зорами?

Съ зараніа до веуера,
Съ веуера до свѣта
Летать стрѣлы каленыя,
Гримлють сабли о шеломы,
Трещать копія харалужныя.

Въ полѣ незнаемѣ
Среди земли Половецкыи,

Урѣна земля подѣ копыты,
Костыни была поскана,
А кровню польана:

Тягою въздоша по Рѣской земли.

Уто ми шѣмнѣть,
Уто ми звеннѣть
Далеуа рано предѣ зорамнѣ?

Вплоть до вечера съ разсвѣта,
И отъ вечера до свѣта
Копья крѣпкія трещать,
Свищутъ стрѣлы каленыя,
Сабли острыя гремятъ
О шеломы боевые,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.

Поле взрыто копытами,
Вкругъ засѣяно костями,
И была поляна та
Теплой кровью полита:
И надъ русскою землёю
Тотъ посѣвъ взошолъ бѣдою.

Что за топотъ, что за звонъ¹
Рано утромъ, предъ зарёю?

Игорь плькы заворуааетъ :

Жаль бо емѣ мнѣ брата Всеволода.

Бишася день,
Бишася дрягый :

Третьаго дни къ полѣдню
Подоша стѣзи Игоревы.

Тѣ са брата разлѣуиста
На брезѣ быстрой Камлы.

Тѣ кроваваго вина не доста;

Тѣ пирѣ доконуаша
Храбрѣи Рѣснѣи :

Сваты попоиша,
А сами полегоша
За землю Рѣскую.

Ииунтъ трава жалоушами,

А древо стѣгою
Къ земли преклонилося.

Это Игорь! — это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою :
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бились, полные отваги,
Бились день, за нимъ другой —
А на третій, предъ зарёй,
Пали княжескіе стяги².
И опять разлучены
Братья жребіемъ войны,
Тамъ, гдѣ пѣнится Каяла³.
Чаша выпита до дна! ...
Тамъ кроваваго вина
Не хватило, не достало!
Тамъ — у вражеской рѣки —
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданныхъ сватовъ напоили,
И за честь своей земли
Сами трупами легли.

Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонить яворъ молодой.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ПЯТОЙ.

¹⁾ Подъ словомъ «звонъ» надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ. *Звонить* значило сзывать народъ на вѣче, дружину на рать; а *звонъ слышать* — идти на зовъ, готовиться къ оборонѣ.

²⁾ Стягъ — главное войсковое, сборное знамя

³⁾ Нынѣшній Кагальникъ, впадающій въ Азовское море.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

ПЛАЧЬ ПѢВЦА.

Тоска разлилась по Руской землѣ.

Уже бо, братіе,
Не веселая година вѣстала,
Уже пѣстыни силѣ прикрыла.
Вѣстала обидѣ
Въ силахъ Дажь-Божа вѣзка.
Встѣпиль дѣвою
На землю Трою,
Вѣсплескала лебедниными крылы
На синемъ морѣ в Дону плещунъ;
Увѣди жирна времена.

Усобица Княземъ на поганыхъ погыбе,

Рекоста бо братъ братъ:
Се мое, а то моеже;
И наухаша Князи про малое —
Се великое мѣвити,

Наступило, братцы, времечко,
Наступило не веселое:
Степь прикрыла силу ратную.
«Возстаетъ обида кровная
«Въ силахъ племени даждь-божьяго,
«Разражается несчастьями;
«И вступивши на троянову
«Землю дѣвой — громко крыльями
«Заплескала лебедиными
«На Дону, у моря синяго:
«Пробудила время тяжкое!

Нѣтъ въ князьяхъ единомыслія
На поганныхъ — вмѣсто дружества,
Сталъ братъ брату поговаривать:
«То мое, мое и это все!»
Стали спорить межъ собой князья
За пустое, какъ за важное,

А сами на себе крамолѣ ковати:
А поганинъ съ всехъ странъ
Приходяхъ съ побѣдами
На землю Рускую.

О! далеуе зайде соколъ,
Птиць бѣа къ морю:
А Нгоревѣ храбраго
Плѣкъ не крѣсити.
За нимъ кланкнѣ Карна и Жла,
Поскоун по Руской земли,
Смагъ мычюун
Въ пламени розѣ.

Жены Рускіа въсплакашася,
Аркхун:
„Уже намъ сконхъ мнѣхъ ладѣ
„Ни мыслию смыслити,
„Ни дѣмою сдѣлати,
„Ни оуима съгладати,
„А злата и сребра
„Ни мало того потрепатн.“

А вѣстона бо, братіе,
Кіевъ тѣгою,
А Черинговъ напастьми;
Тоска разліася по Руской земли;
Печаль жирна теуе средѣ земли Руской.
А Князи сами на себе крамолѣ ковахъ;

И крамолу на себя ковать.
А поганые со всѣхъ сторонъ
Между тѣмъ, какъ побѣдители,
Приходили въ землю русскую.

О! далеко залетѣлъ соколъ,
Птицъ сгоняя къ морю синему:
Ужъ дружинѣ храброй Игоря
Не воскреснуть. По слѣдамъ ея
Жля и Карна¹ громко крикнули,
Понеслись землею русскою,
И изъ рога огне-мѣтнаго
Извергали пламя лютное.

Зарыдали жены русскія,
Приговаривая жалобно:
«Видно ужъ не взмыслить мыслию,
«Видно ужъ не вздумать думою,
«Ни очами, видно, болѣе
«Не увидѣтъ намъ мужей своихъ;
«А серебромъ и звонкимъ золотомъ
«Не бренчать намъ, не побрякивать!»

Возстоналъ такъ Кіевъ скорбію,
А Черниговъ подъ напастями;
Разлилась тоска тяжелая
По Руси, и горе лютное
Затопило землю русскую.
А межъ-тѣмъ, какъ князья русскіе

А поганіи сами побѣдами нарицѣше
На Рускую землю,
Смлаху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тин бо два храбраа Святъславнѣа,
Нгорь и Всеволодъ
Уже лжѣ ѡбѣди,
Которѣю то баше
Успилъ отецъ ихъ
Святъславъ грозный
Великый Кіевскый.

Грозою башеть,
Притрепеталъ своими сильными плѣкы
И харалѣжными меуи;

Настѣпи на землю Половецкую,
Притопта хлѣми и дрѣвы,
Взмѣти рѣки и озера,
Нсѣвши потоки и болота,

А поганѣаго Кобакѣа изъ лѣкѣа мора
Отъ желѣзныхъ, великихъ
Плѣковъ Половецкихъ,
Ако вихрь, выторже :

И падеса Кобакѣа въ градѣ Кіевѣ,
Въ гридницѣ Святъславни.

Межь собою только ссорились,
Наши вороги поганые
Приходили въ землю русскую,
И съ дворовъ, какъ побѣдители,
Собирали дань постыдную —
По одной по бѣлкѣ² съ каждаго.
Потому-что Святославичи —
Всеволодъ и Игорь храбрые —
Вновь вражду неукротимую
Пробудили — ту, которую
Усыпилъ-было родитель ихъ³,
Святославъ Великій, Кіевскій.

Онъ заставилъ хищныхъ Половцевъ
Трепетать, какъ передъ бурей,
Предъ своею ратью сильною —
Передъ саблями булатными.
Наступилъ ногою твердою
Онъ на землю половецкую,
Притопталъ холмы съ оврагами,
Возмутилъ озёра съ рѣками,
Иссушилъ ключи съ болотами,
И исторгъ изъ лукоморія⁴
Кобяка⁵ ихъ нечестиваго,
Изъ средины половецкаго
Войска — сильнаго, несмѣтнаго:
И Кобякъ безсильнымъ плѣнникомъ
Очутился въ стольномъ Кіевѣ,
Во дворцѣ велико-княжескомъ.

Тѣ Иѣмѣи и Венѣдѣици,
Тѣ Греци и Морава
Поють славу Свѣтѣславлю,
Кляють Князя Нгора,
Ниже погрѣзи жирѣ
Во днѣ Каллы
Рѣкы Половецкѣа,
Рускаго злата насыпаша.
Тѣ Нгорѣ Князь
Высѣдѣ изѣ сѣдла злата,
А въ сѣдло Кошнѣво.
Уныша бо градомѣ забрамы,
А веселіе поиннѣ.

Греки и купцы нѣмецкіе,
И Моравцы съ Венеційцами
Пѣли славу святославою
И хулили князя Игоря,
Потопившаго въ Каяль-рѣкѣ
Половецкой силу ратную,
Вмѣстѣ съ кровнымъ русскимъ золотомъ;
Гдѣ онъ — храбрый Игорь Сѣверскій —
Изъ сѣдла раззолочёнаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.

Приуныли стѣны крѣпкія,
Омрачилось веселіе.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ШЕСТОЙ.

- 1) Жля и Карна — ханы половецкіе.
- 2) Половцы, полагая дань съ двора, вѣроятно брали шкурами бѣлокъ, какъ и нынѣ собирается дань съ кочующихъ народовъ Сибири куницами, бѣлками, соболями. Хотя въ то время, кромѣ иностранныхъ монетъ, были и русскія деньги въ обращеніи, но ихъ такъ было мало, что въ торговлѣ замѣняли ихъ шкурами дорогихъ звѣрей.
- 3) Здѣсь великій князь Кіевскій Святославъ III названъ отцомъ Игоря и Всеволода — по старшинству, хотя, собственно, онъ былъ ихъ двоюроднымъ братомъ.
- 4) Такъ назывался морской *излучистый* берегъ, имѣющій видъ *лука* или дуги. Одна изъ ордъ половецкихъ, обитавшая близъ лукоморія, называлась — лукоморскою.
- 5) Ханъ половецкій, взятый въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОНЪ СВЯТОСЛАВА.

**Два солища помѣркости,
Оба багряна стѣпа погасости.**

А Святъславъ мѣтенъ сонъ видѣ:

„Въ Кіевѣ на горахъ
„Си ноцъ съ веѹера
„Одѣвахъте ма, реѹе,
„Урѣною паподомою,
„На кровати тисовѣ.
„Урѣпахъте ми синее вино
„Съ трѣдомъ смѣшено;
„Сыпахъте ми тырими тѣлы
„Поганыхъ тѣлковицъ
„Великый женѹюгъ на лоно,
„И негѹють ма.
„Уже дѣски безъ кнѣса
„В моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ.
„Всю ноцъ съ веѹера
„Босѹки врани възграхъ,
„У Плѣсньска на болони
„Бѣша дѣбрь Кисаню,
„И не сошлю къ синемѹ морю.“

Худой Святославу привидѣлся сонъ:

«Мнѣ снилось (разсказывалъ онъ),

«Что будто бы въ полночь, на ложѣ тесовомъ,

«Въ горахъ надъ Днѣпромъ,

«Меня одѣвали вы чернымъ покровомъ,

«И съ синимъ виномъ

«Отраву мѣшали,

«И тѣмъ ядовитымъ виномъ угощали;

«И будто бы жемчугъ колюномъ пустымъ

«Изъ раковинъ черпали вы чередою,

«И тѣмъ жемчугомъ дорогимъ

«Меня осыпали, смѣясь надо мною;

«И что въ златоверхихъ палатахъ моихъ

«Безъ матицы доски лежали.

«А бѣсовы вѣроны — дебрей глухихъ —

«Всю ночь, до разсвѣта, у Плънска¹ кричали

«На выгонѣ злачныхъ луговъ городскихъ,

«И прочь не летѣли на синее море!»

И ркоша боаре Князю :

„Уже , княже , туга змь полонила ;

„Се бо два сокола слѣтѣста

„Съ отня стола злата ,

„Понскати града Тымѣторокана ,

„А любо испити шеломомъ Донѣ .

„Уже соколома крильца

„Припѣшали поганихъ саблами ,

„А самую опѣстоша

„Въ пѣтны желѣзны .

„Темно бо бѣ въ г день :

„Два солнца помѣркости ,

„Оба багряная стѣла погасости ,

„И съ нимъ молодая мѣсяца —

„Олегъ и Святѣславъ тѣмою съ поволокости .

„На рѣцѣ на Клякѣ тѣма свѣтъ покрыва :

„По Рѣскон земли прострошася Половци ,

„Аки пардѣже гнѣздо ,

„И въ морѣ погрѣзиста ,

„И великое бѣство подасть Хинюки .

„Уже спесеса хвала на хвалѣ ;

„Уже треснѣ изжда на волю ;

„Уже вѣржеса днѣвъ на землю .

— Увы! одолѣло насъ лютое горе!

(Бояре въ отвѣтъ) —

Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,

Слетѣли съ родного

Стола золотого,

Собрались на брань —

Добыть изъ полона

Наслѣдственный Тмутаракань,

Иль шлемомъ напиться изъ Дона.

Но крылья соколѣи ихъ

Враги обрубилѣ мечами,

А буйныхъ самихъ

Опутали крѣпко цѣпами.

На третій день утро смѣнилось мглой,

Померкли два солнца подъ ризой ночной,

А съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ —

Олегъ съ Святославомъ — два князя прекрасныхъ.

Заря на Каялѣ погасла во мглѣ:

Какъ барсы степные,

Разсѣялись Пѣловцы злые

По русской землѣ,

Въ пучину несчастій её погрузили —

И хана на новую брань возбудили.

Хула помрачила хвалу,

Предъ силою воля склонилась,

И диво-сова, сквозь полнѣчную мглу,

На землю спустилась...

„Се бо Готскія красныя дѣвы
„Въспѣша на брезѣ сннемъ морю;
„Звона Рѣскимъ златомъ,
„Поютъ время Бѣсово,
„Лелѣютъ мѣсть Шароканю.
„А мы уже дружина жадни веселія.“

Тогда Великій Святславъ
Изрони злато слово слезами смѣшено,
И рече :

„О моя сыновѣхъ Игорю и Всеволоде!
„Рано еста научаа
„Половецкѣю землю меѹи цвѣлѣти,
„А себѣ славы искати.
„Нѣ неѹестно одолѣсте:
„Неѹестно бо кровь поганѣю проліаєте.
„Ваю храбрая сердца
„Вѣ жестоцемъ харалѣзѣ скована,
„А вѣ бѣести закалена.
„Се ли створисте моеѹ сребреней сѣдинѣ!
„А уже не виждѣ власти сильнаго, и богатаго,
„И многокон брата моего Арослава,
„Сѣ Уерниговьскими былами,
„Сѣ Могѣты, и сѣ Татраны, и сѣ Шельбиры,
„И сѣ Топѣаки, и сѣ Ревѣгы, и сѣ Ольберы.
„Тѣи бо бесѣ шитовѣ сѣ засапожники
„Кликомъ плѣкы побѣждають,
„Звонѣхъи вѣ прадѣднѣюю славу.

Чу! готскія² дѣвы у моря запѣли
 Про Буса³ — бойца своего,
Про мечь шароканову⁴, время его,
 И золотомъ русскимъ звенѣли.
А вѣрной дружинѣ твоей суждено
 Знать горькое-горе одно! —

А князь отвѣчалъ имъ такими рѣчами,
Мѣшая слова золотыя съ слезами:
«О Игорь и Всеволодъ — дѣти мои!
«Не впору вы противъ земли половецкой
 «Мечи обнажили свои,
«Гоняясь за славой — молвой молодецкой;
«Безславно своихъ побѣдили враговъ,
«Безславно поганую прѣлили кровь.
«Изъ стали сердца ваши скованы были,
«А время и мужество ихъ закалили....
«И этого ль могъ ожидать я отъ васъ,
«На старости лѣтъ сѣдиной серебрясь?

 «И вотъ ужъ враги полонили
«Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей!
«Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами былей⁵,
 «Съ черниговской ратью своей?
«Гдѣ наши могуты, татраны, ревуги,
«Шельбиры, топчаки, ольберы⁶? гдѣ други,
«Они — побѣждавшіе крикомъ враговъ,
«Съ одними ножами, безъ крѣпкихъ щитовъ,
 «Гремѣвшіе дѣдовской славой?

„Нъ рекосте: мѣ жа нмѣся сами,
„Преднюю славу сами похитимъ,
„А заднюю съ сами подѣлимъ.

„А уи диво съ, братіе,
„Старѣ помолодити?

„Колн соколъ въ мытѣхъ бываесть,
„Высоко птицѣ възбиваесть;
„Не дастъ гнѣзда своего въ обидѣ.

„Нъ се зло Княже ми не пособіе;
„На ннѣ съ години обратиша.

Се въ Римъ кричатъ
Подъ саблами Половецкыми,
А Володимиръ подъ ранами.
Тѣга и тоска сынѣ Глѣбовѣ!

«Но вы говорили: «на подвигъ кровавый

««Одни мы пойдемъ, какъ въ минувшіе дни,

««Прошедшую славу добудемъ одни,

««Одни и грядущей подѣлимся славой!»

«А развѣ нельзя на своемъ на вѣку

«Быть вновь молодымъ старику?

«Когда ясный соколъ линяетъ,

«Онъ птицъ высоко загоняетъ,

«И ужь никогда

«Въ обиду не дастъ дорогого гнѣзда.

«Теперь и князя мнѣ не помощь — а бремя:

«Такъ все измѣняетъ крылатое время!»

Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ⁷,

А съ нимъ и Владиміръ⁸, болѣзною томимъ.

Нѣтъ, видно печаль и кручина

Удѣлъ беззащитнаго глѣбова сына!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ СЕДЬМОЙ.

¹⁾ Плънскъ — нынѣшній Плъсковъ (въ Галиціи).

²⁾ Готы еще въ III вѣкѣ поселились въ Тавридѣ и были, около 1050 года, покорены Половцами. Послѣ этого понятно, почему побѣда, одержанная Половцами, могла доставить готскимъ дѣвамъ русское золото.

³⁾ « Не назывался ли *Бусомъ* въ простонародіи *Болушъ*, ханъ половецкій, подъ предводительствомъ котораго, въ 1055 году, Половцы входили первый разъ въ область Переяславскую? » (Дубенскій).

⁴⁾ Шароканъ или Шаракунъ — извѣстный полководецъ половецкій.

⁵⁾ *Черниговскіе были*, какъ сказано въ «Словѣ», вѣроятно то же, что у лѣтописцевъ — *ковуи черниговскіе*. Ковуями же, какъ извѣстно, назывались наемныя дружины Торковъ и Берендѣевъ, служившихъ черниговскимъ и другимъ князьямъ, и составлявшія особые отряды.

⁶⁾ Вѣроятно особые отряды войскъ, названные по именамъ вождей, ими начальствовавшихъ. Такъ, на примѣръ, дружины Торковъ и Берендѣевъ назывались иногда по именамъ ихъ хановъ. То же, что у лѣтописцевъ: ковуи черниговскіе, бастьева чадъ, каепичи и проч.

⁷⁾ Ромны.

⁸⁾ Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича и родной братъ супруги буй-туръ Всеволода — Ольги Глѣбовны.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

.....рыкаютъ,
Акъ тѣри ранены
Саблами казенными,
На полѣ незнаемъ.

Великый Княже Всеволоде!

**Не мыслию ти прелетѣти издалеу
Отна злата стола поблюсти?**

**Ты бо можешн
Волгѣ веслы раскропити,**

А Донѣ шеломи выльати.

Аже бы ты былъ,

**То была бы Уда по ногатѣ,
А Кошеи по резанѣ.**

**Ты бо можешн посххъ
Живыми шереширѣ стрѣлати --**

Удалыми сыны Глѣбовы.

Великій князь Всеволодъ ¹ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами лодей,
И вычерпать Донъ необъятный
Шеломами рати своей.

Когда бъ ты былъ здѣсь — по ногатѣ ²
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвъ половецкой земли.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнемъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба ³, семьёю
Его сыновей удалыхъ.

Ты бѣи Рюриче и Давыде!

Не вѣю ли златеными шеломи

По крови плаваши?

Не вѣю ли храбраа

Дружина рыкають,

Аки тѣри ранены

Саблами казенными,

На полѣ незнаемъ?

Встѣпнѣ Господина

Въ злата стремя —

За обиду сего времени,

За землю Рускую,

За раны Игоревы,

Бѣего Святславнуа!

Галиуки Осмомыслѣ Ярославѣ!

Высоко сѣдиши

На своемъ златокованнемъ столѣ.

Подперъ горы Угорскыи

Своими желѣзными плѣки,

Застѣпнѣ Королеви пѣть,

Затвори къ Дунаю ворота,

Меуа бремены урезъ облаки,

Сяды рада до Дунаа.

Ты, Рюрикъ ⁴, отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши ль златые шеломы
Забрызганы кровью чужой?

Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турамъ
Концами калёныхъ мечей?

Скорѣй въ стремяна золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донъ!
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

А ты, Ярославъ ⁵ именитый,
Князь Галицкій — славный умомъ!
Высоко сидишь на престолѣ,
Престолѣ своемъ золотомъ:

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая каменя за тучи,
Ты путь королю ⁶ заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкою пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.

Грозы твоѣ по землямъ текутъ ;

Оттвориши Кіевъ врата ;

Стрѣляши съ огня злата стола

Салтанъ за землями.

Стрѣлай, Господице, Кончака,

Поганого Коцеа —

За землю Рѣкъю,

За раны Игоревы,

Бѣего Святславича!

А ты бѣи Романи и Мстиславе !

Храбрая мысль носить

Васъ зми на дѣло.

Высоко плававши

На дѣло въ бѣстѣ,

Ако соколъ на вѣтрехъ ширялся,

Хота птицю въ бѣствѣ одолѣти.

Суть бо ѣ ваю желѣзныи папорзи

Подъ шеломи латнскими.

Тѣми тресну земля,

И многи страны Хниова.

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.

Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченомъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.

Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ —
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

И вы, храбрецы удалые,
Романъ⁷ и Мстиславъ⁸ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой;

Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, что въ небѣ ширяетъ,
Чтобъ птицу настигнуть вѣрнѣй;

Затѣмъ, что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужъ многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.

Антва, Атвази, Деремела и Половци
Сълици своя покръгоща,
А главы своя поклониша
Подъ тын меун харалужнын.

Иъ уже Киаже Нгорю
Утрпъ солнцю свѣтъ,
А древо не бологомъ листвие срони:

По Рси, по Съли
Гради подѣлиша;
А Нгорека храбраго
Плъкъ не крѣсити.

Донъ ти Киаже кличеть,
И зоветъ Киази на побѣдѣ.
Олговнуи храбрыи Киази
Доспѣли на брань.

Ииъгварь и Всеволодъ,
И вси три Мстиславнуи,
Не худа гнѣзда шестокрилици,

Непобѣдыми жребии
Собѣ власти расхытисте?
Кое ваши златыи шеломи
И сълици Ларкин и циты?
Загородите полю ворота

Ятвяги⁹, Литва, Деремела¹⁰,
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнётомъ булатныхъ мечей.

Князья! ужь померкъ неозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣды:

Ужѣ городà подѣлили
По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.

Князья, синій Донъ на побѣду
Зоветъ васъ, вздымая волну!
Отважныя ѡльговы дѣти
Готовы идти на войну.

О Ингварь и Всеволодъ¹¹ буйный!
И вмѣстѣ три брата лихихъ
Мстиславича, — вы шестокрыльцы
Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ!

Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти — желанной меты, —
Къ чему же вамъ лашскія копья,
Златые шеломы, щиты?

Своими острыми стрѣлами —
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Бѣсого Святъславича!

Свои воротà оградите
Стрѣлами отъ вражыхъ племёнъ —
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ОСЬМОЙ.

¹⁾ Всеволодъ Юрьевичъ — великій князь Владимірскій на Клязьмѣ, въ княженіе котораго былъ походъ игоревъ; родной дядя Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

²⁾ Ходячая мелкая монета того времени. Въ гривнѣ считалось 20 ногатъ или 50 резанъ, слѣдовательно въ ногатѣ было $2\frac{1}{2}$ резаны: ногата на металлы равнялась нынѣшнему полтиннику, а резана — двугривенному.

³⁾ Князья Рязанскіе — Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, признавшіе, въ 1180 году, своимъ главою князя Владимірскаго Всеволода, съ которымъ они и ходили, въ 1183 году, на Болгаръ.

⁴⁾ Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи — внуки Мстислава Великаго.

⁵⁾ Ярославъ Владиміровичъ, великій князь Галицкій (прозванный *осьмомысломъ*), тестъ Игоря, героя поэмы.

⁶⁾ Венгерскому.

⁷⁾ Романъ Мстиславичъ — князь Владимірскій на Волыни (впослѣдствіи (1197 г.) великій князь Галицкій). Онъ смирилъ Ятвяговъ и много разъ ходилъ войною на Литовцевъ. О немъ-то въ лѣтописяхъ сохранилась пословица: *Романе! худымъ живешы: Литвою ореши.*

⁸⁾ Мстиславъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Луцкаго и двоюродный братъ Романа.

⁹⁾ Дикіе обитатели Подлѣсья (Подляшья).

¹⁰⁾ Латышское племя.

¹¹⁾ Князья Черниговскіе — *гнѣздо Ольгово.*

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ВОСПОМИНАНИЕ О МИНУВШЕМЪ.

**Всеславъ Князь людемъ сѣдаше,
Княземъ грады радаше,
А самъ въ ноуѣ вѣлкомъ рыскаше...**

Уже бо Схлѣ

Не текутъ серебряными струями

Къ граду Переяславию,

И Двина болотомъ текутъ

Онымъ грознымъ Полоудномъ,

Подъ кликомъ поганыхъ.

Единъ же Изславъ, сынъ Васильковъ,

Позвони конми острыми мечи

О шеломи Антошкиа;

Притрепа слава дѣду своему Всеславу,

А самъ подъ урчленными щиты

На кровавъ травъ

Притрепанъ Антошкиными мечи.

И хоти ю на кровать, и рекъ:

„Дружинѣ твою, Княже,

„Птиръ крилы приодѣ,

„А зѣри кровь полизаша.“

— 212 —
Ужь къ Переяславлѣ-городу быстро Сула сере-
бристыхъ
Струй не катить, и Двина болотомъ течетъ къ
Полочанамъ
Грознымъ, подъ кликомъ поганныхъ ¹.

Одинъ
Изяславъ Васильковичъ ²
Въ шлемы литовскіе острымъ мечемъ позво-
нилъ и, затмивши
Славу дѣда Всеслава, прикрытый стальными
щитами,
Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель
литовскихъ;
Легъ на кровать и сказалъ: «князь, дружину
твою удалую
«Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь поли-
зали!»

Не бысть тѣ брата Брѣмѣслава,
Ни другаго Всеволода;

Єдинѣ же изрочи жемѹюжнѣ дѹшѣ
Изъ храбра тѣла, ѹрєсь злато ожерєліє.

инылы голоси, поннѹє весєліє.
Трѣбы трѣбѣть Городєньскѣи.

Арославє,
И вси вѣщє Всєславѣи!
иже понизитѣ стѣзи свои,
Вонзитѣ свои мєѹи верєжєни;
иже бо выскоѹнстє изъ дѣднєй славы.

Вы бо своими крамолами
Щаѹастє находити поганыхъ
На землю Рѹсѹю,
На жизнь Всєславлю.

Которое бо бѣше наслєдіє
Отъ земли Половецѹкыи!

На седьмомѣ вѣщѣ Троѹни
Врѣже Всєславѣ жрєбѣи
О дѣвѣицѹ сєбѣ любѣ.

Тѣи клюками подпрѣса о конѣи,
И скоѹи къ градѹ Кыевѹ,

Не былъ съ нимъ братъ Брячеславъ, ни другой
Всеволодъ; одинъ онъ
Выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго
тѣла
Сквозъ золотое свое ожерелье. Поникло ве-
селье;
Смолкли печальныя пѣсни; трубятъ городён-
скія³ трубы...

Князь Ярославъ⁴ и вы, внуки Всеслава! скло-
ните знамѣна
Долу; вложите мечи притупленные: вы помра-
чили
Славу могучаго дѣда! Не вы ль приманили пога-
ныхъ
Вашей крамолой на русскую землю, на племя
Всеслава,
Чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье, какое
ужь терпитъ
Русь отъ земли половецкой.

Въ вѣкѣ седьмомъ
отъ Трояна
Кинулъ жребій Всеславъ⁵ о любимой имъ дѣви-
цѣ красной⁶;
И, не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня бое-
вого,
Къ стольному Кіеву-городу онъ прискакалъ, и
доткнулся

И дотѣса стрѣжѣмъ
Злата стола Кіевскаго.
Скоунъ отъ нихъ лютымъ звѣремъ
Въ пѣноунъ изъ Бѣла-града,
Обѣснѣ снѣ мглѣ,
Утрѣ же коззи стрикъсы
Оттвори врата Новъ-града,
Разшнѣ славъ Ярославъ,
Скоунъ вѣлкомъ до Немни съ Дѣдѣтокъ.
На Немнѣ снопы стѣлютъ головами,
Молотатъ ѹени харалѣжnymi,
На тоѣ животъ кладѣтъ,
Вѣютъ дѣшъ отъ тѣла.
Немнѣ кровави брѣзѣ
Не бологомъ бахѣтъ посяни,
Посяни костью Рѣскихъ сыновъ.
Всеславъ Князь людемъ сѣдѣше,
Княземъ грады радѣше,
А самъ въ ноѣ вѣлкомъ рыскаше;
Изъ Кыева дорискаше
До Кѣръ Тмѣторокана;
Великомъ хрѣсови
Вѣлкомъ пѣтъ прерискаше.
Томъ въ Полотскѣ
Позвоннѣ заѣтрѣною рано
У Свѣтѣ Софѣи въ колоколы:
А онъ въ Кыевѣ звонъ слышѣ.

Древкомъ копьа своего до его золотого пре-
стола.

Въ полночь оставилъ Бѣль-гòродъ, окутался
синею мглою,

Кинулся звѣремъ и скрылся; а утромъ, под-
везши стрикусы⁷,

Сшибъ новгородскіе створы, разбилъ ярославову
славу.

Бросился волкомъ къ Нѣмигѣ⁸ съ Дудутокъ⁹.

А на Нѣмигѣ

Головы стелютъ снопами, молотятъ стальными
цѣпами,

Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ
тѣла.

Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой
засѣянъ

Быль, а костями русскихъ сыновъ. Князь Все-
славъ народу

Судъ давалъ и радилъ князьямъ городà; а самъ
волкомъ

Рыскалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тму-
таракани

И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому
Хорсу¹⁰.

Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ за-
утренѣ рано

Въ колоколà у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ
слышалъ

Дще и вѣща дѣша въ дръзѣ тѣлѣ,
Иъ часто бѣды страдаше.

Томъ вѣщій Божіиъ

И прѣвое припѣвкѣ смыхеный реуе:

„Ии хытрѣ, ии гораздѣ,
Ии птицю гораздѣ
Сзда Божіа не минѣти.“

О, стонати Рѣской земли,
Поманившіе прѣвѣю годниѣ,
И прѣвѣхъ Князѣй!
Того стараго Владиміра
Не лѣзѣ бѣ пригвоздити
Къ горамъ Кіевскимъ:

Сего бо нынѣ стаѣа стази Рюриковы,
А дръзи Давидовы;

Иъ рози носѣ имъ хоботы пашѣтъ,
Копіа поютъ на Дунаи.

Благовѣсть тотъ.

Хотя у иного и вѣщее серд-
це

Въ тѣлѣ, а часто страдаетъ. Ему то разумную
пѣсню

Вѣщій Боянъ нашъ сложилъ, что «ни хитрый,
ни умный, ни птица

Быстрая въ небѣ не мѣнуетъ суда правосуднаго
Бога.»

Какъ не стонать и не плакаться русской землѣ,
вспоминая

Старое время и старыхъ князей! Нельзя жъ
было вѣчно —

Въ Кіевѣ стольномъ Владиміру старому кня-
жить: и нынѣ

Стяги его, доставшия Рюрику съ братомъ Да-
выдомъ,

Словно волы, запряжённые въ плугъ, подъ яр-
момъ ненавистнымъ

Никнуть, межъ-тѣмъ какъ тяжёлыя копья сви-
стятъ на Дунаѣ.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ДЕВЯТОЙ.

1) Литовцевъ.

2) Одинъ изъ князей Полоцкихъ, едва ли не сынъ Василька Рогволодовича, о которомъ лѣтописцы упоминають подъ 1132 годомъ. О бѣдственной участи этого князя лѣтописи умалчивають.

3) Мѣстечко Городно, гдѣ княжилъ Изяславъ Васильковичъ, существуетъ и нынѣ въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, между рѣками Стыремъ и Горынью.

4) Такъ-какъ между именами князей Полоцкихъ нѣтъ Яросла-
вовъ, то надо думать, что сочинитель обращаетъ здѣсь рѣчь къ
Ярославу Владиміровичу, внуку Мстислава Великаго, подъ предво-
дительствомъ котораго Новгородцы, около 1190 года, воевали съ
Корелами.

5) Всеславъ Брючеславичъ, правнукъ Рогнеды.

6) Стихотворно — Кіевъ.

7) Стѣнобитное орудіе.

8) Нѣмень.

9) Мѣстечко около Новгорода Великаго.

10) Несторъ упоминаетъ о болванѣ Хорсѣ, которому поклоня-
лись въ Кіевѣ до введенія христіанской вѣры. Нѣкоторые полага-
ють, что это былъ славянскій Марсъ, богъ войны.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

**Жаждею нмѣ ахун съпраже,
Тѣгою нмѣ тѣли затѣе.**

Арославнынъ гласъ слышитъ :

Зегзицею незнаемъ, рано кыуетъ :

„Полеую, реуе ,

„Зегзицею по Дунаевн;

„Омоую безранъ рѣкавъ

„Въ Камлѣ рѣцѣ,

„Утрѣ Кназію кровавыя его раны

„На жестоцѣмъ его тѣлѣ.“

Арославна рано плауетъ

Въ Пѣтиклѣ на забралѣ,

Аркѣун :

Звучный голосъ раздается
Ярославны ¹ молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарей:

«Я быстрой лѣсной голубки
«По Дунаю полечу,
«И рукавъ бѣбровой шубки
«Я въ Каялѣ обмочу;
«Князю милому предстану,
«И на тѣлѣ на больномъ
«Окровавленную рану
«Оботру тѣмъ рукавомъ.»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

„О вѣтрѣ! вѣтрило!

„Уемъ, Господине, насильно вѣши?

„Уемъ мыуеши Хиновскыя стрѣлки

„На своєю не трѣдною крилицю

„На моя лады вон?

„Мало ли ти бѣшетъ

„Горъ подъ облакы вѣати,

„Лельюун корабли на синѣ морѣ?

„Уемъ, Господине,

„Мое веселіе по ковылю развѣка?“

Арославна рано плауєть

Пѣтикую городъ на заборолѣ,

Аркхун :

„О Днепре словѣтницю!

„Ты пробилъ еси каменныя горы

„Сквозъ землю Половецкую.

„Ты лелѣалъ еси на себѣ

„Святославни посады

„Да плѣкъ Кобякова :

„Възделѣй, господине,

„Мою ладъ къ мнѣ,

«Вѣтеръ, что ты завываешь?
«И на крыльяхъ на своихъ
«Стрѣлы ханскія вздымаешь,
«Мечешь въ воиновъ родныхъ?
«Иль тебѣ ужъ на просторѣ
«Тѣсно вѣять въ облакахъ?
«Корабли на синемъ морѣ
«Мчатъ, лелѣять на волнахъ?
«Для чего жъ однимъ размахомъ
«Радость лучшую мою
«Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
«По степному ковылю?»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Днѣпръ мой славный! ты волнами
«Горы крѣпкія пробилъ,
«Половецкими землями
«Путь свой дальній проложилъ:
«На себѣ, сквозь все преграды,
«Ты лелѣяла, рѣка,
«Святославовы² насады
«До улусовъ Кобяка:
«О, когда бъ ты вновь примчала
«Друга къ этимъ берегамъ,

„А быхъ неслала къ немъ“
„Слезъ на море рано.“

Арославна рано плауєть
Въ Пятнвалъ на забралъ,

Архунъ :

„Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
„Всѣмъ тепло и красно еси :
„Уемъ, господниє,
„Простре горлѹюю свою лѹюю
„На ладѣ вон ?
„Въ полѣ безводитъ
„Жаждею нмъ лѹнъ съпражѣ,
„Тѹгою нмъ тѹли затѹе?“

«Чтобы я къ нему не слала
«Слѣзь на морѣ по утрамъ!»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарёй :

«Солнце ясное трикраты!

«Всѣмъ ты красно и тепло!

«Для чего лучемъ утраты

«Войско милаго сожгло?

«Для чего въ безводномъ полѣ

«Жаждой луки имъ свело,

«И что гнѣтъ тоски-недоли

«На колчаны налегло?»

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДЕСЯТОЙ.

¹⁾ Евфросинія Ярославна, дочь князя Ярослава Владиміровича Галицкаго, вторая супруга Игоря — героя поэмы. Во время похода мужа ея на Половцевъ, она находилась въ Путивлѣ, удѣльномъ городѣ сына своего Владиміра.

²⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о Святославѣ Всеволодовичѣ Кіевскомъ, двоюродномъ братѣ Игоря, и о его походѣ на Половцевъ, въ 1184 году, который, какъ извѣстно, окончился разбитіемъ Кобяка и плѣномъ самого хана.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Князю Игорю не быть!

Прыснѣ море полѣнощи;
Идѣтъ сморщѣ мѣглами;
Игоревнѣ Князю Богъ пѣтъ кажетъ
Изъ земли Половецкой
На землю Рускую,
Къ отню златѣ столѣ.

Погасоша вечерѣ зари:
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслію пола мѣритъ
Отъ великаго Дона
До малаго Дона.
Комонъ въ полѣноуи.
Овлѣръ свиснѣ за рѣкою;
Велитъ Князю развѣстѣи.
Князю Игорю не быть.

Въ полночь море взволновалось;
Небо тучами покрылось:
Кажеть Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ землю русскую,
Ко злату-столу отцовскому.

Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная, вечерняя.
Игорь дремлетъ — Игорь бодрствуетъ:
Игорь поле мѣритъ мыслию,
Что отъ Дону — отъ великаго
До Донца-рѣки, до малаго.

Конь готовъ и ждетъ съ полуночи.
Овлурь¹ свистнулъ за рѣкой вдали —
Подаетъ вѣсть князю Игорю:
Но князь Игорь не откликнулся.

Клики стѣки земли;
Въшѣмъ трава;
Вѣжи са Половецкии подвизашася.

А Нгорь Кназь
Поскоун горнастѣмъ къ тростию,
И бѣлымъ гоголемъ на водѣ;
Въврѣжеса на брѣзъ комонь,
И скоун съ него босымъ вѣлкомъ,
И потеуе къ лѣгѣ Доуца,

И полетѣ соколомъ подѣ мѣглами,

И зѣнвал гѣси и лебѣди
Завтрокъ, и обѣдѣ и ѣжнѣ.

Коли Нгорь соколомъ полетѣ,
Тогда Вѣрѣ вѣлкомъ потеуе,
Трѣса собою стѣдензю росѣ:
Претрѣгоста бо своа брѣзда комона.

Доуецѣ реуе:

„Кнаже Нгорю!

„Не мало ти величїа,

„А Конуакѣ нелюбїа,

„А Рѣскої земли веселїа!“

Нгорь реуе:

„О, Доуе!

„Не мало ти величїа,

Крикнулъ — поле всколебалось,
Зашумѣлъ ковыль серебряный,
Съ ними вежи половецкія
Потряслися: Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростникъ;
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ;
На коня стрѣлою кинулся;
Бѣсымъ волкомъ соскочилъ съ него;
Побѣжалъ къ Донцу родимому,
Къ луговому его берегу, —
И взвился могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедей съ гусями къ завтраку,
На обѣдъ себѣ и къ ужину.

Когда Игорь взвился соколомъ —
Тогда Влуръ помчался по-полю
Сѣрымъ волкомъ, отряхаячи
По пути росу холодную:
Надорвалъ коня дорогою.

А Донецъ промолвилъ Игорю:
«Много князь тебѣ величія,
«Кончаку-врагу нелюбія,
«А землѣ родной веселія!»

Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
— О Донецъ! не мало доблести
И тебѣ, что князя Игоря

„Лелѣвшѣ Князѣ на вѣнцѣхъ,
„Стлалѣшѣ еѣхъ зелѣнѣхъ травѣхъ
„На свонѣхъ сребренѣхъ брезѣхъ,
„Одѣвалѣшѣ еѣхъ теплыми мѣглами,
„Подѣ стѣною зеленѣхъ дрѣвѣхъ;

„Стрежалѣшѣ еѣхъ гоголемѣхъ на водѣхъ,
„Уайцами на стрѣлахъ,
„Урьнадыми на вѣтрѣхъ.

„Не тако ли, рече,
„Рѣка Стѣгна хѣдѣхъ стрѣю нѣмѣхъ,
„Пожрѣши уѣжи рѣчѣхъ,
„И стрѣгы рострѣ на кѣствѣхъ?

„Уноши Князю Ростиславѣхъ
„Затвори Дѣтѣрѣ темнѣхъ берѣзѣхъ.

„Плѣхѣтѣся мати Ростиславѣхъ
„По вноши Князи Ростиславѣхъ.
„Уныши цѣкѣты жалобою,

„И дрѣво стѣзгою
„Кѣ земли прѣклонило.“

А не сорокы втрѣскоташѣхъ:

На слѣдѣхъ Нгорѣвѣхъ
Ѣздитѣ Гзакѣ съ Конуакомѣхъ.

На волнахъ своихъ серебряныхъ
Ты лелѣялъ, устилаючи
Берега травой зеленою,
Одѣвая мглами теплыми
Подъ деревьями зелеными!

Ты стерегъ его заботливо
На водѣ хохлатымъ гоголемъ,
На струяхъ рѣчною чайкою,
Уткой-чернедью въ поднёбесьѣ.
Нѣтъ, не такъ, вздымаясь волнами,
Мчится Стугна мелководная!
Поглотивъ ручьи нагорные,
Она струи о кустарники
Раздробила, ненасытная,
И на вѣки заградила путь
Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
Ростиславу². И заплакала
Мать сѣдая ростиславова
По прекрасномъ князѣ-юношѣ:
На лугахъ цвѣты душистые
Осыпаются отъ жалости,
А деревья, съ тихой грустію,
Надъ землею наклоняются. —

Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это ѣдутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.

Тогда врани не граахъть,
Галици помлъкоша,
Сороки не трескоташа,
Полозно ползоша только,
Дятлове тектомъ пѣть къ рѣкѣ кажъть,
Соловинъ веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають.

Млъвнѣть Гзакъ Конуаковн:

„Аже соколъ къ гнѣздѣ летитъ,

„Соколнуа роустрѣлаекъ

„Своими злауеными стрѣлами.“

Реуе Конуакъ ко Гзѣ:

„Аже соколъ къ гнѣздѣ летитъ,

„А въ соколца

„Опѣтаекъ красною дѣвицею.“

И реуе Гзакъ къ Конуаковн:

„Аще его опѣтаекъ красною дѣвицею,

„Ни нама вѣдетъ сокольца,

„Ни нама красны дѣвице,

„То поунѣтъ наю птици бити

„Въ полѣ Половецкомъ.“

Стихло, — вѣроны не каркали,
Галки смолкли, и съ сороками
По деревьямъ только прыгали;
Дятель путь къ рѣкѣ указывалъ;
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
«Если соколъ³ улетитъ въ гнѣздо,
«Такъ стрѣлами золочеными
«Соколѣнка разстрѣляемъ мы.»

А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:

— Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
Такъ красавицею-дѣвицей
Соколѣнка мы опутаемъ. —

А Кончаку снова молвить Гзакъ:

«Если дѣвицей-красавицей
«Соколѣнка мы опутаемъ —
«Не видать тогда намъ болѣе
«Ни соколика, ни дѣвицы,
«Нашей дѣвицы-красавицы,
«И начнутъ насъ птицы хищныя
«Бить средь поля половецкаго.»

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ОДИННАДЦАТОЙ.

¹⁾ Овлуръ или Влуръ, какъ называетъ его пѣвецъ Игоря, и Лаверь или Лавръ, какъ называетъ его лѣтописецъ, — есть имя Половчанина, мать котораго была Русская, предложившаго Игорю свои услуги.

²⁾ Ростиславъ Всеволодовичъ, сынъ великаго князя Всеволода I и Анны, дочери хана половецкаго, и братъ Владиміра Мономаха. Этотъ молодой князь, послѣ несчастнаго сраженія съ Половцами, спасаясь отъ плѣна, бросился въ рѣчку Стугну и, увлеченный тяжелымъ вооруженіемъ, утонулъ. Ему было тогда 22 года.

³⁾ Здѣсь ханы говорятъ о Игорѣ (соколѣ) и его сынѣ Владимірѣ (соколичѣ), который оставался еще въ плѣну и женился вскорѣ на красавицѣ половецкой, дочери кончаковой, названной здѣсь *красною дѣвицей*.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Здрави князи и дружина!

Рекъ Боянъ и ходы на Свѣтѣславѣ

Пѣснотворца стараго времени Ярославѣ

Ольгова Когана хоти:

„Тажко ти головы, кромѣ плечю;

Зло ти тѣлѣ, кромѣ головы:

Руской земли безъ Нгорѣ.“

Солнце свѣтитсѣ на небесѣ:

Нгорѣ Князь въ Руской земли.

Дѣвнѣцѣ поютъ на Днѣпрѣ.

Вьются голоса

Урезъ море до Кіева.

= 120 =

Вѣдь сказалъ же Боянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ¹;
Пѣснотворецъ временъ Ярослава,
Говорилъ въ старицу,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:

«Тяжело на землѣ
Жить безъ плечъ головѣ,
И плечамъ безъ головушки буйной!
А отчизнѣ святой
Безъ руки боевой
Князя Игоря — власти разумной.

Солнце-свѣтъ въ небеси,
Игорь-князь на Русѣ.
На Дунаѣ запѣли дѣвицы,
И летятъ голоса
Чрезъ поля и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

**Нгорь ѣдетъ по Борнукѣ
Къ Свѣтъ Богородици Пирогощен.**

**Страны ради,
Гради весели,
Пѣвше пѣснь старымъ Княземъ,**

А потомъ молодымъ.

Пѣти слава Нгорю Свѣтъславнуа,

**Бѣи тѣрѣ Всеволодѣ,
Владимирѣ Нгоревнуѣ.**

Здрави Князи и дружина,

Побарда за христьяны на поганыхъ пѣки!

**Княземъ слава,
А дружине Аминь!**

Игорь ѣдетъ домой
На Боричевъ ², къ Святой
Пирогощей ³ свой путь направляя.
Радость мчится, растеть:
Веселится народъ,
Престарѣлыхъ князей воспѣвая,

А потѣмъ молодыхъ.
Славить въ пѣсняхъ своихъ
Князя Игоря — доблесть ихъ рода,
Славить сына его,
И бойца своего —
Прославляетъ буй-туръ Всеволода.

Слава нашимъ князьямъ
И ихъ храбрымъ войскамъ,
Воевавшимъ отважно до нынѣ
За всѣхъ насъ христіанъ
Противъ злыхъ басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДВѢНАДЦАТОЙ.

¹⁾ Судя по смыслу этого мѣста, Коганъ былъ пѣвецъ временъ Ярослава, и, подобно Бояну, пользовался въ свое время извѣстностью. (Мнѣніе Полевого).

²⁾ Такъ назывался въ древнія времена одинъ изъ кievскихъ спусковъ къ Днѣпру, гдѣ былъ перевозъ. Нынѣ близъ этого спуска стоитъ Михайловскій монастырь.

³⁾ Такъ называлась церковь во имя Св. Богородицы *Пирогощей* въ Кіевѣ (заложенная Мстиславомъ Великимъ, въ 1131 году), по образу Богоматери, привезенному купцомъ Пирогощею изъ Константинополя. Нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился храмъ Пирогощей Богородицы, или около нея, стоитъ церковь Андрея Первозваннаго.

ПРИМѢЧЕНІЯ

ПРИМѢЧАНІЯ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящемъ изданіи
нѣкоторые примѣчанія, относящіеся къ
нѣкоторымъ частямъ сочиненія, не
были помѣщены въ настоящемъ изданіи,
потому что они не были въ распоряженіи
издателя. Эти примѣчанія, относящіеся
къ нѣкоторымъ частямъ сочиненія, были
напечатаны въ нѣкоторыхъ изданіяхъ,
но въ настоящемъ изданіи они не
были помѣщены, потому что они не
были въ распоряженіи издателя.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Складомъ важнаго преданья...

Этимъ сочинитель «Слова» хочетъ сказать, что онъ взялся описать своего героя въ томъ духѣ, или такъ, какъ излагались до него всѣ важныя (трудныя) повѣствованія — языкомъ, издавна для нихъ установленнымъ, по нашему — поэтическимъ, украшеннымъ. Отсюда можно заключить, что въ отдаленный отъ насъ вѣкъ игоревъ уже была народная литература, и требовалось отъ сочиненія не одного достоинства мыслей, но вмѣстѣ и изящества отдѣлки по тогдашнимъ понятіямъ, и что уже существовали предѣлы между стилями, или аналогія идеи со звукомъ.

Въ переводѣ этого стиха я послѣдовалъ объясненію г. Дубенскаго, который, въ одномъ изъ примѣчаній къ своему переводу «Слова», говоритъ, что «повѣсти, въ которыхъ описывались важныя или героическія событія, именовались на древней нашей Руси — *трудными*». Графъ Мусинъ-Пушкинъ называлъ ихъ — прискорбными повѣстями, Шишковъ — многотрудными, Вельтманъ — высокими, Максимовичъ — скорбными, Де ла Рю — воинскими, Головинъ — печальными, Мей — слѣзными, наконецъ Туловъ — повѣстями о подвигахъ. Остальные переводчики или вовсе не перевели этого выраженія, или перенесли его въ свои переложенія безъ всякаго измѣненія.

II.

И начаться пѣснь той
По былинамъ — безъ обмана,
Не по замысламъ Бояна.

«Элементъ баснословнаго вымысла (замышленія бояновъ), господствовавшій въ пѣсняхъ *старого времени*, въ пѣсняхъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Романови*, съ развитіемъ жизни, въ концѣ XII вѣка долженъ былъ уступить въ поэзіи мѣсто элементу исторической положительности (поэзіи по былинамъ сего времени). Кромѣ того, вымысль эпическій, столь тѣсно соединенный съ вымысломъ языческой мифологіи, долженъ былъ исчезнуть

въ русской книжной поэзіи скорѣе, нежели во всякой другой, и въ слѣдствіе вліянія Христіанства. Такимъ образомъ очень естественно, что пѣснь нашего эпическаго поэта XII вѣка началась, какъ онъ говоритъ, *по былинамъ сего времени, а не по замысленію Бояню*. » (Гуловъ).

III.

....носился *мыслю-птицей*

По дубравамъ, по лѣсамъ.

Пѣвецъ Игоря, восторженный почитатель боюныхъ пѣснопѣній, сравниваетъ ихъ вольное теченіе то съ бѣгомъ *страго волка*, то съ ширяніемъ *сизаго орла* подъ облаками, то, наконецъ, съ пареніемъ *мысли* по дереву. Заимствуя первыя два сравненія изъ сказачнаго міра древней Руси, въ которомъ они играютъ такую важную роль (особенно въ южно-русскихъ думахъ и пѣсняхъ), съ чѣмъ еще могъ онъ сравнить дивныя созданія своего любимаго пѣснотворца — *соловья стараго времени*, какъ не съ мыслью человѣка, способною уноситься *выше тучъ ходячихъ*, куда не залетали и сказочные герои древняго міра? Не смотря на то, что мысль подлинника выражена ясно, нѣкоторые переводчики «Слова» находятъ въ этомъ поэтическомъ унодобленіи, одни — пропускъ, а другіе — описку въ словѣ *мысль*, и основываютъ свои догадки на томъ, что пѣвецъ Игоря, взявъ два сравненія изъ царства живот-

ныхъ, необходимо долженъ былъ заимствовать оттуда и третье уподобленіе. Такъ, на примѣръ, гг. Левитскій и Де ла Рю, предполагая описку, замѣняютъ слово мысль, первый — *птицей*, а второй — *соловьемъ*. Что же касается г. Вельтмана, то онъ, полагая послѣ слова *мыслию* — пропускъ, переводитъ это мѣсто такимъ образомъ: «Былое воспѣтъ, а не вымысль Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по дереву». Эти догадки заслуживаютъ быть упомянутыми уже по одному тому, что незабвенный А. С. Пушкинъ также предполагалъ здѣсь описку, и читалъ вмѣсто *мыслию* — *мышию*.

Несмотря на вѣроятность этихъ догадокъ, основанныхъ на доказательствахъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ, онѣ опровергаются другимъ мѣстомъ текста «Слова», именно стихомъ: Скаху славию по мыслию дреку: въ которомъ та же мысль выражена яснѣе: тамъ онъ растекается мыслию по дереву, а здѣсь — онъ скачетъ соловьемъ по мысленному дереву. Сравнивъ оба мѣста, можно вывести такое заключеніе, что *древо* у пѣвца Игоря означаетъ — *воображеніе*, по вѣтвямъ котораго порхаетъ Боянъ — *соловей стараго времени*.

Такъ какъ цѣль моего перевода есть возможно-близкое воспроизведеніе подлинника, то я и старался не вдаваться въ произвольное толкованіе текста «Слова», въ ущербъ вѣрности перевода, за исключеніемъ нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ, вѣроятно искаженныхъ переписчиками и потому лишенныхъ всякого смысла.

IV.

*А когда о вражделивыхъ
Временахъ онъ воспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебёдокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ.*

Нѣкоторые изъ гг. переводчиковъ и изслѣдователей «Слова о полку Игоря» переводятъ это мѣсто не буквально, какъ слѣдуетъ его понимать, а иносказательно; именно полагаютъ, что въ древности былъ обычай пускать десять соколовъ на стадо лебедей. Одни утверждаютъ, что князья пускали своихъ соколовъ, и чей соколъ прежде долеталъ до лебедей, тому и пѣли хвалебную пѣснь; другіе же полагаютъ, что ихъ пускали пѣвцы, и чей соколъ долеталъ прежде до лебединого стада, тотъ имѣлъ право воспѣвать князей; хотя въ подлинникѣ ничего не говорится объ этой забавѣ. Право нестоитъ ломать головы, переставлять слова и относить ихъ къ предъидущимъ или послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно выраженной мысли дать желаемое значеніе. По моему мнѣнію — это фигура, или, лучше, поэтическое уподобленіе, какихъ весьма много въ «Словѣ», и которыя, несмотря на то, большею частію изслѣдователей переведены слово въ слово. Сочинитель здѣсь говоритъ объ одномъ Боянѣ, который, при воспоминаніи о прежнихъ междоусобіяхъ,

пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, и самъ объясняетъ свою аллегорію:

Не на стадо лебедей
Нашъ Боянъ, нашъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ, —
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокошущимъ струнамъ,
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Быть-можетъ, скажутъ, что тутъ мысль несовсѣмъ ясно выражена! Но отъ чего же въ другихъ мѣстахъ «Слова» такія же точно фигуры и выраженные такъ же точно — переведены буквально? Неужели уподобленіе *обиды* — фантастической дѣвѣ выражено яснѣе? или фраза: *рози носѣ нмѣ хоботы пашѣтъ* — болѣе походить на уподобленіе? Я перевелъ это мѣсто буквально, потому-что, какъ уже сказалъ выше, мысль здѣсь ясна и не требуетъ комментарій.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

*Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видя, что вѣнсто лучей,
Полки его милою оно остѣнило....*

Здѣсь говорится о солнечномъ затмѣніи, бывшемъ 1-го мая 1185 года, въ день св. пророка Іереміи, какъ сказано въ l'Art de vérifier les dates.

II.

.....мчась по слѣдамъ
Героя Трояна....

Пѣвецъ «Слова» четыре раза упоминаетъ о Троянѣ, именно: во второй пѣсни о *тропѣ* (дорогѣ) *трояновой*, въ четвертой и девятой — о *вѣкѣ* *трояновой*, и, наконецъ, въ шестой — о *землѣ* *трояновой*; но кого онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ: императора ли Трояна, какъ думаютъ одни, или Владиміра Святаго, какъ предполагаютъ другіе, или, наконецъ, мѣстечко Трояны (Смоленской губ.), какъ объясняютъ третьи, рѣшить трудно.

Тропа трояня въ буквальномъ переводѣ значитъ — дорога троянова (*via Trajani*). Хотя дорога эта, какъ извѣстно изъ исторіи и сульцеровой карты Валахіи, дѣйствительно шла отъ береговъ Дуная до рѣки Прута и далѣе на востокъ по южной Россіи, и даже низовая сторона Дуная, отъ рѣки Прута, называлась: *provincia Trajani*, а остатки такъ называемаго троянова вала еще до сихъ поръ существуютъ въ Бесарабіи, — однако все это еще не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что пѣвецъ Игоря подъ словомъ Троянъ разумѣлъ Римскаго императора. Основательнѣе другихъ предположеніе покойнаго Полевого, что «Троянъ здѣсь не Римскій императоръ, а что-нибудь такое, чему надо искать объясненій на Руси: такъ Владиміръ Первый названъ Трояномъ въ одномъ чешскомъ памят-

никѣ». Къ сожалѣнію Полевой не упомянулъ о названіи этого памятника.

III.

.....сова завываетъ

Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.

Въ подлинникѣ сказано: *Дивъ кличѣтъ врѣхъ дрека*. Что такое должно разумѣть подъ словомъ *дивъ* — положительно сказать трудно, тѣмъ болѣе, что объясненія этого слова большей части его толкователей сбивчивы, разногласны, и почти всѣ ограничиваются однѣми догадками, часто ничего не доказывающими. Первые издатели «Слова» полагали, что *дивъ* значитъ — *пугало*, *слѣпо-воронъ*, или *ночной воронъ*, что весьма правдоподобно. Но г. Максимовичъ опровергаетъ это мнѣніе, и называетъ дива — духомъ тьмы, основываясь на томъ, что воображеніе Персіянъ населило свою преисподнюю духами того же имени. Еще мудренѣе переводятъ это слово новѣйшіе переводчики. Такъ, напримеръ, г. Минаевъ, въ своемъ стихотворномъ переложеніи «Слова», изданномъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ изъ дива — *лѣшаго*, «котораго біографію», по его словамъ, «волна исторіи такъ хорошо донесла до нашихъ временъ, затопя почти всѣхъ боговъ славянской миѳологіи».

Удачнѣе другихъ объясняетъ это слово докторъ Гай изъ Загреба (Аграма). Онъ утверждаетъ, что дивъ есть зловѣщая птица, въ доказательство чего при-

водитъ то, что почти у всѣхъ племенъ Западныхъ славянъ дивомъ называется — удодъ, крикъ котораго у Дунайскихъ славянъ, подобно крику совы, или карканью ворона, считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

IV.

Кормилица Русь! уже ты за *курганомъ*!

Г. Бутковъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игоря, принимаетъ слово *щеломя* за Изюмскій курганъ (возлѣ котораго, какъ извѣстно, Русскіе переправились черезъ Донецъ), что весьма правдоподобно. Пѣвецъ «Слова», какъ будто съ удивленіемъ, или ужасомъ говоритъ, что русская земля или русская сила за высокимъ курганомъ, далеко въ степяхъ половецкихъ, у Дона, близъ Лукоморья, и что ей остается только побѣдить или умереть.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Владиміръ *уши затыкалъ*.

То есть — любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ. Гибельный обычай князей того времени дружить съ иноплеменниками и призывать ихъ, во время междоусобныхъ войнъ, для грабежа и злодѣйствъ въ

нѣдра государства, всего болѣе обезславилъ князей Черниговскихъ. Владиміръ Мономахъ гнушался этимъ, что и было главною причиною любви народной къ его племени.

II.

*И привела на судъ свой слава
Бориса, сына Вячеслава,
И положила на коверъ —
На бархатъ конскаго покрова —
За оскорбленье, за позоръ
Олега князя молодого.*

Олегъ считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ, въ Черниговѣ, гдѣ, по волѣ дядей, долженъ былъ жить праздно, лишенный удѣла. Онъ хотѣлъ свободы и волости, бѣжалъ въ Тмутаракань къ брату своему Роману Святославичу Красному, тамъ княжившему, и рѣшился вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ искать счастья оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, союзники вошли въ предѣлы Черниговскіе. Сначала счастье имъ благопріятствовало: они разбили Всеволода и заставили его удалиться въ Кіевъ. Побѣдители вступили въ Черниговъ и думали, что все государство должно будетъ признать ихъ власть. За этимъ послѣдовала битва нѣжатинская, стоившая жизни Борису Вячеславичу и рѣшившая участь его крамольнаго союзника. По этому — за обиду Олговъ, могло значить: за обиду, нанесенную дядями Олегу. Борисъ пострадалъ, какъ единомышленникъ Олега.

III.

*И Святополкъ съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ софіевскаго храма.*

«Ежели принять, что опечатка только въ словѣ *я*, вмѣсто *ятъ* или *яти* (взять): т. е. Святополкъ повелѣлъ (Ярополку) взять тѣло, — допустить, что *Каяла* здѣсь значитъ *Половцы*, приведенные Олегомъ изъ Тмутараканя къ Чернигову, то подъ словомъ *отца* можно разумѣть Изяслава I, великаго князя, убитаго на сраженіи у села Нѣжатины, и тутъ будетъ историческая достовѣрность». (Дубенскій).

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

I.

«Возстаетъ обида кровная....»

Г. Пожарскій полагаетъ, что *обида* уподоблена здѣсь языческой богинѣ Дѣваннѣ или Діанѣ — боже-ству Тавровъ, древнихъ обитателей Крыма. По мнѣнію же г. Максимовича эта «*дѣва-обида*» напоминаетъ литовскую *дѣву-чуму*, которая огненнымъ платомъ навѣ-

ваетъ смерть заразы на землю». Оба эти предположенія ошибочны. Объясненія нѣкоторыхъ загадочныхъ для насъ словъ, встрѣчающихся въ этой поэмѣ, должно скорѣе искать между племенами славянскими, а не въ Литвѣ или Тавридѣ. По этому мысль г. Дубенскаго, что «не лучше ли подразумѣвать здѣсь *дѣвъ судныхъ*, какъ въ Судѣ Любуши», — гораздо правдоподобнѣе.

II.

*«Возстаетъ обида кровная
«Въ силахъ племени даждь-божьяго,
«Разражается несчастьями;
«И ветупивши на троянову
«Землю дѣвой — громко крыльями
«Заплескала лебедиными
«На Дону, у моря синяго:
«Пробудила время тяжкое!*

Это мѣсто, отмѣченное мною ковычками, подобно многимъ другимъ, встрѣчающимся въ «Словѣ», вѣроятно заимствовано пѣвцомъ Игоря у Бояна, вдохновенною музою котораго, какъ кажется, онъ одушевлялся съ начала до конца въ своей пѣсни; и даже, какъ думаетъ г. Дубенскій, заимствовалъ у него нѣкоторые обороты и припѣвы, а можетъ-быть и выраженія: *тропа*, *вѣчи*, *земля трояня* и другія, которыхъ смыслъ для насъ сбивчивъ и загадоченъ.

III.

.....изъ рога огне-мётнаго
Извертали пламя лютое.

«Это, кажется, поясняетъ огнестрѣльный снарядъ, которымъ въ томъ же году (1185, марта 1-го дня) дѣйствовалъ бесерменинъ, или хазарскій турка, живымъ огнемъ стрѣлявшій. Кончакъ, ханъ половецкій, имѣлъ его при себѣ съ тѣмъ, какъ сказано въ Кіевской лѣтописи, *чтобы пожещи огнемъ грады Рускыя.... Смагъ мыкати въ пламя розѣ* — не значитъ-ли: *огонь или дымъ кидать изъ наполненнаго пламенемъ рога?*» (Дубенскій).

III.

Изъ сѣдла раззолочёнаго
Пересѣлъ въ сѣдло *полонника*.

То-есть — Кошнєво, какъ сказано въ подлинникѣ. Кошєями же называли плѣнники, невольники половецкіе, печенежскіе, козарскіе, литовскіе и другіе, что свидѣтельствуется лѣтописями. Слѣдовательно фраза: *высѣдъ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошнєво*, значитъ — *стать изъ князя плѣнникомъ, а не пересѣсть*

«.....въ сѣдло
Простаго оружника,
Чтобъ въ полѣ неузнаннымъ
Отдаться на жеребій»,

какъ перевелъ г. Минаевъ.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

I.

*Ты можешь стрѣлять и на суши
Огнемъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба, семьею
Его сыновей удалыхъ.*

«Пламенный рогъ (см. выше, пѣснь VI, прим. 3) не назывался ли шереширами, съ которыми здѣсь сравнены сыны глѣбовы (князя Рязанскіе)? Словами: *живыи и посыху*, не намекаетъ ли поэтъ на греческій огонь каллиниковъ, который употреблялся на водѣ? Въ такомъ смыслѣ будутъ шерешеры огнестрѣльное оружіе, которымъ дѣйствовали на сухомъ пути, и можетъ быть, *смаговницы* — родъ пищалей.» (Дубенскій).

II.

*Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть.*

«Галицкіе князья владѣли странами отъ горъ Карпатскихъ до устьевъ Серета и Прута; могло статься, что пѣвецъ Игоревъ стихотворно назвалъ ихъ, или пространство между ними по Дунаю, воротами». (Дубенскій).

III.

*И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.*

«Ярославъ вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для государя.... Союзникъ Греческаго императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему Россіяне прозвали его Осьмомысломъ». (Ист. Гос. Росс. Карамз. изд. VI, т. III, стр. 75.)

IV.

*Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.*

По мнѣнію г. Дубенскаго, пѣвецъ игоревъ могъ здѣсь разумѣть походъ Фридриха Барбаруссы на горюя востока, султана Саладина, приготовленіями къ которому онъ былъ занятъ около 1185 года. Галичане, вмѣстѣ съ Венгерцами, могли принять участіе въ походѣ, или, по крайней мѣрѣ, были вызываемы на святое дѣло сильнымъ сосѣдомъ. Это предположеніе весьма правдоподобно, тѣмъ болѣе, что сочинитель «Слова» прибавляетъ; за землями, какъ бы за дальними — за Венгріею, за Греціею.

V.

.....*латинскіе шлемы*....

Латинами назывались у насъ Поляки, Венгерцы, Богемцы, рижскіе нѣмцы и другіе сосѣдніе народы, исповѣдовавшіе *въру латинскую*.

VI.

О Ингварь и Всеволодъ буйный!

И вмѣстѣ *три* брата лихихъ

Мстиславича....

Здѣсь идетъ рѣчь о трехъ сыновьяхъ Ярослава Луцкаго (бывшаго великимъ княземъ Кіевскимъ прежде Святослава): Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ только два первые названы по имени, потому что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше (см. пѣснь VIII, прим. 8). Мстиславичами называетъ ихъ сочинитель «Слова» по дѣду ихъ Мстиславу II, или по прадѣду Мстиславу Великому, старшему сыну Мономаха.

VII.

.....*шестокрыльцы*

Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ.

Сравнивши младшій домъ мстиславовъ съ гнѣздомъ, котораго представителями въ вѣкъ игоревъ были — Ингварь, Всеволодъ и Мстиславъ, авторъ полагалъ, что у трехъ этихъ птенцовъ, потомковъ Мстислава

Великаго, тогда будетъ шесть крыль. (Мнѣніе Карамзина.)

VIII.

*Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти...*

Ростиславичи — старшая линія дома Мстиславова, и Мстиславичи — младшая, съ согласія великихъ князей, получили въ удѣль заднѣпровскія области, изъ коихъ за Ростиславичами осталась Кіевская область (имъ же принадлежалъ и Смоленскъ), а Мстиславичи получили Луцкъ и Владиміръ на Волыни (имъ же достался въ это время и Галичъ). Пѣвецъ Игорева именно этимъ хотѣлъ сказать, что Мстиславичи стали князьями своихъ волостей, какъ законные наследники, а не какъ завоеватели.

IX.

*Свои ворота оградите
Стрѣлами отъ вражьихъ племѣнъ.*

Переяславская область, прилегая съ юго-запада, между устьями Десны и Псѣла, къ Днѣпру, граничила съ этой стороны съ заднѣпровскими областями, гдѣ княжили въ то время потомки Мстислава Великаго: Мстиславичи и Ростиславичи. Основываясь на этомъ изысканіи, г. Дубенскій полагаетъ, что не устья ли

этихъ двухъ рѣкъ со стороны Кіевской области называется пѣвецъ Игоря воротами въ Переяславскую волость, моля Мстиславичей загородить ихъ острыми стрѣлами.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

*Ужъ къ Переяславлѣ-городу быстро Сула
серебристыхъ
Струй не катитъ....*

Здѣсь сочинитель говорить, что Сула не принадлежитъ болѣе къ Переяславской области, гдѣ княжилъ Владиміръ Глѣбовичъ, отразившій Половцевъ отъ Переяславлѣ, при чемъ былъ раненъ и не могъ подать помощи жителямъ города Римъ (Роменъ), къ стѣнамъ котораго течетъ Сула.

II.

*.....не вы ль приманили
поганныхъ
Вашей крамолой на русскую землю, на племя
Всеслава.*

То-есть — на Полоцкое княжество.

II.

нынѣ

Стяги его (*), доставшия Рюрику съ братомъ
Давыдомъ,

*Словно волы, запряжѣнные въ плугъ, подъ яр-
момъ ненавистнымъ*

Никнутъ...

.....роси носъ имъ хоботы пашутъ, какъ сказано въ подлинникѣ, есть одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ поэмѣ, вѣроятно искаженное переписчиками. Напрасно ученые изслѣдователи «Слова» ломали голову надъ этою загадочною фразою и разбирали ее по буквамъ, сясь разяснить таинственный смыслъ подлинника. Увы! тайна осталась тайною, хотя гг. переводчики и представили цѣлую дюжину толкованій этого мѣста, доставившихъ большое удовольствіе ихъ авторамъ, но не подвинувшихъ вопроса ни на волосъ впередъ. Чтобы показать всю разнообразную игривость этихъ переводовъ, выказавшихъ необыкновенную силу творчества ихъ авторовъ, выпиываю нѣкоторыя изъ нихъ:

Переводъ Шишкова:

Знамена Владиміровы достались Рюрику и Давыду, которые, *нося ихъ на рогахъ, землю вспахиваютъ.*

*) Владиміра.

Переводъ Пожарскаго :

Сего же (Владиміра) нынѣ стали знамена Рюриковы, а другія Давыдовы; но сіи, *сдѣлавшись могущими, въ сапогахъ землю пашутъ.*

Переводъ Грамматина :

Нынѣ знамена его (Владиміра) стали одни Рюриковы, а другія Давыдовы; но *враги ихъ, впряженные въ плугъ, вмѣсто воловъ, пашутъ на нихъ.*

Переводъ Максимовича :

Знамена его (Владиміра) уже стали Рюриковы, другія Давыдовы, — *но рога нося имъ пашутъ хвосты.*

Переводъ Дубенскаго :

Знамена его (Владиміра) достались одни Рюрику, а другія Давиду; но *когда и они носятъ трубы (военныя), то знамена развѣваются.*

Переводъ Кораблева :

Стяги его (Владиміра) стали одни Рюриковы, а другіе Давыдовы; но рога (стяговъ?) сихъ носясь хоботами развѣваются.

Будучи недоволенъ всѣми этими переводами, еще болѣе затемнившими смыслъ подлинника, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь дать волю своей фантазіи, чтобы не зайти еще далѣе, я рѣшился отказаться отъ удовольствія пояснить это мѣсто по своему, въ надеждѣ

найти хотя сколько нибудь удовлетворительное истолкованіе помянутаго мѣста въ одномъ изъ стихотворныхъ переложеній «Слова», блистающихъ яркими красками фантазіи. И не ошибся. Перебравъ бывшія у меня подъ рукой изданія, я остановился на переводѣ г. Минаева, который и помогъ мнѣ уяснить это темное мѣсто подлинника.

К О Н Е Ц Ъ .

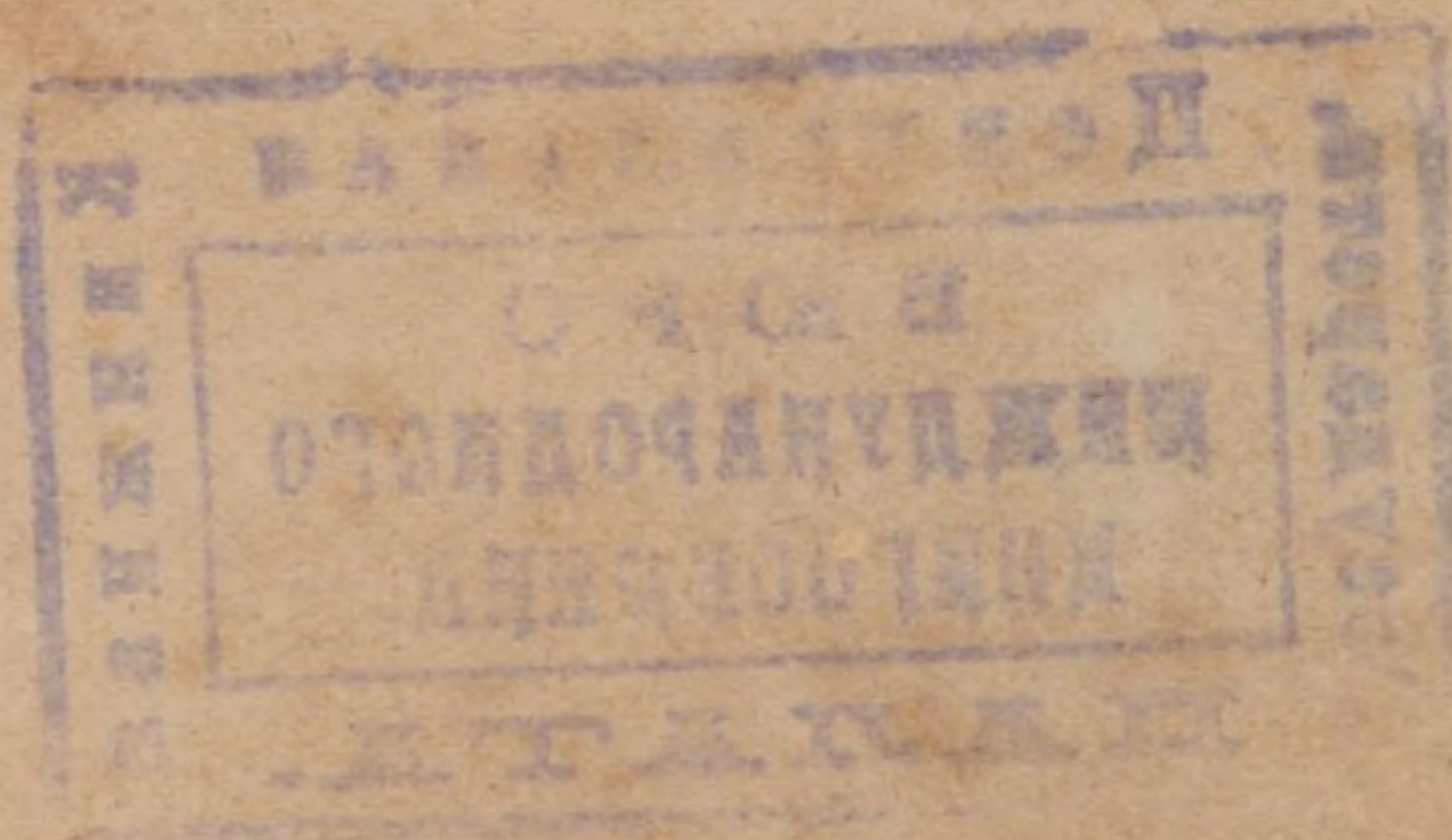

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Предисловіе	7
Пѣснь 1-я. Запѣвъ	39
Пѣснь 2-я. Вѣщее затмѣніе	45
Пѣснь 3-я. Побѣда	57
Пѣснь 4-я. Воспоминаніе пѣвца объ усобицахъ	65
Пѣснь 5-я. Пораженіе	71
Пѣснь 6-я. Плачъ пѣвца	77
Пѣснь 7-я. Сонъ Святослава	87
Пѣснь 8-я. Воззваніе къ князьямъ	97
Пѣснь 9-я. Воспоминаніе о минувшемъ	109
Пѣснь 10-я. Плачъ Ярославны	119
Пѣснь 11-я. Бѣгство Игоря	127
Пѣснь 12-я. Возвращеніе	137
Примѣчанія	143

Slovo o polku Igorevě Igor' knjaz' Sěverskij. [Uebers. v. N. V. Gerbel'.] [
Das Igorlied.]

Sanktpeterburg 1858

40.738-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10701869-3